
ОГОНЁК
№ 19 МАЙ 1959
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В Тбилиси закончено строительство пассажирской подвесной канатной дороги, которая связывает площадь Руставели с парком культуры и отдыха на горе Мтацминда. По несущим канатам передвигаются вверх и вниз два вагона вместимостью 25 человек каждый.

Фото В. Джейранова.

На первой странице обложки: КАЧЕЛИ.

Фотоэтюд И. Тункеля.

На последней странице обложки: Железнодорожная магистраль Москва — Иркутск электрифицируется. На участке Рязань — Лесок работает бригада электромонтажников Владимира Алексенцева.

Фото Т. Романова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 19 (1664)

3 МАЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Торжественно и радостно проходят первомайские праздники в городах и селах, повсюду — от края до края необъятной нашей страны. Победами в труде, в творчестве рапортуют в эти дни Родине шахтеры и металлурги, хлеборобы и животноводы, ученые и деятели искусств. Весело справляют новоселье семьи, въезжая в только что отстроенные дома.

С благодарностью и любовью обращают наши люди свои помыслы к родной Коммунистической партии, уверенно взирают они в будущее — близкое и счастливое коммунистическое завтра.

Звучат над цветущей советской землей песни первой весны семилетки.

→

Веселятся молодые ленинградцы на первомайском вечере в клубе завода имени Козицкого.
Фото Н. Ананьева.

В клубе имени Зуева (Москва).
Фото С. Фридлянда.
↓

22 АПРЕЛЯ В МОСКВЕ, В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ СОЮЗА ССР, состоялось торжественное заседание партийных, советских и общественных организаций столицы, посвященное 89-й годовщине со дня рождения Владимира Ильича Ленина.

На снимке: президиум торжественного заседания.

Фото А. Гостева.

Сейчас «ТУ-104-Б» стартует на Ленинград... К самой двери кабины подкатывает автобус-экспресс.

В Адлерском аэропорту с «ИЛ-18» можно пересесть на вертолет, чтобы через 15 минут быть в Сочи.

ВОЗДУШНЫЕ ЛАЙНЕРЫ НА ТРАССАХ

Супруги Куроедовы с детьми возвращаются в Норильск.
Фото Д. Ухтомского и А. Гостева.

← Предъявите билеты!

Вы садитесь в автобус на площади Революции в Москве и через 2 часа 40 минут выходите из автобуса на Невском в Ленинграде. В этом стремительном путешествии пассажиру наиболее запоминаются пересадки: одна — во Внукове, вторая — в Ленинградском аэропорту. И там и там автобус-экспресс подкатывает прямо к двери кабины «ТУ-104-Б». Проверка билетов, погрузка багажа... И совсем незаметно проходит наибольшая по расстоянию часть пути. Между двумя крупнейшими городами нашей страны воздушный лайнер со своими 100 пассажирами летит всего 55 минут.

Так Ленинград стал ближе к Москве, чем иные подмосковные дачи.

Вслед за новой трассой Москва — Ленинград открылось движение турбовинтовых воздушных кораблей между Москвой и главным аэропортом Черноморского побережья — Адлером. Достоинства воздушного путешествия оценил наш попутчик — один из 80 пассажиров «ИЛ-18», дальневосточник П. Я. Свиридов:

— От Хабаровска до Москвы я летел 11 часов да от столицы на курорт — 3 часа. Если сравнить с поездом, то налицо экономия в восемь дней. А прибавьте к этому еще обратный путь, и получится у меня больше двух недель, которые можно дополнительно посвятить отдыху. Спасибо авиации!

Из Адлера в Москву на «ИЛ-18» вместе с нами летела семья Куроедовых — жителей Норильска. Вместе с Владимиром Николаевичем, Людмилой Ивановной и маленькой Олечкой путешествовал только появившийся на свет Коля — уроженец Сочи.

Начались регулярные пассажирские рейсы самолетов «ИЛ-18» из Москвы в Алма-Ату. Многоместные воздушные лайнеры скоро будут приземляться в аэропортах Симферополя и Минеральных Вод, обслуживающих курорты Крыма и Кавказа.

Д. ДИЕВ, С. ЩЕРБАТОВ

МОДЕЛЬ ВОЛЖСКОГО ЭКСПРЕССА «СОВЕТСКИЙ СОЮЗ», построенная в Ленинграде, отправляется на выставку в Нью-Йорк. Модель, состоящая из 70 тысяч деталей, полностью электрифицирована. Миниатюрные лампочки освещают внутри убранство кают. Одна из наиболее интересных деталей модели — кинозал с проектирующимися на экране кадрами цветного кино.

Фото А. Бродского.

ПЕРВАЯ СЕССИЯ ВСЕКИТАЙСКОГО СОБРАНИЯ НАРОДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ВТОРОГО СОЗЫВА состоялась недавно в Пекине. На снимке: руководители Китайской Народной Республики товарищи Лю Шао-ци, Мао Цзэ-дун, Чжу Дэ, Чжоу Энь-лай в президиуме сессии в момент исполнения государственного гимна.

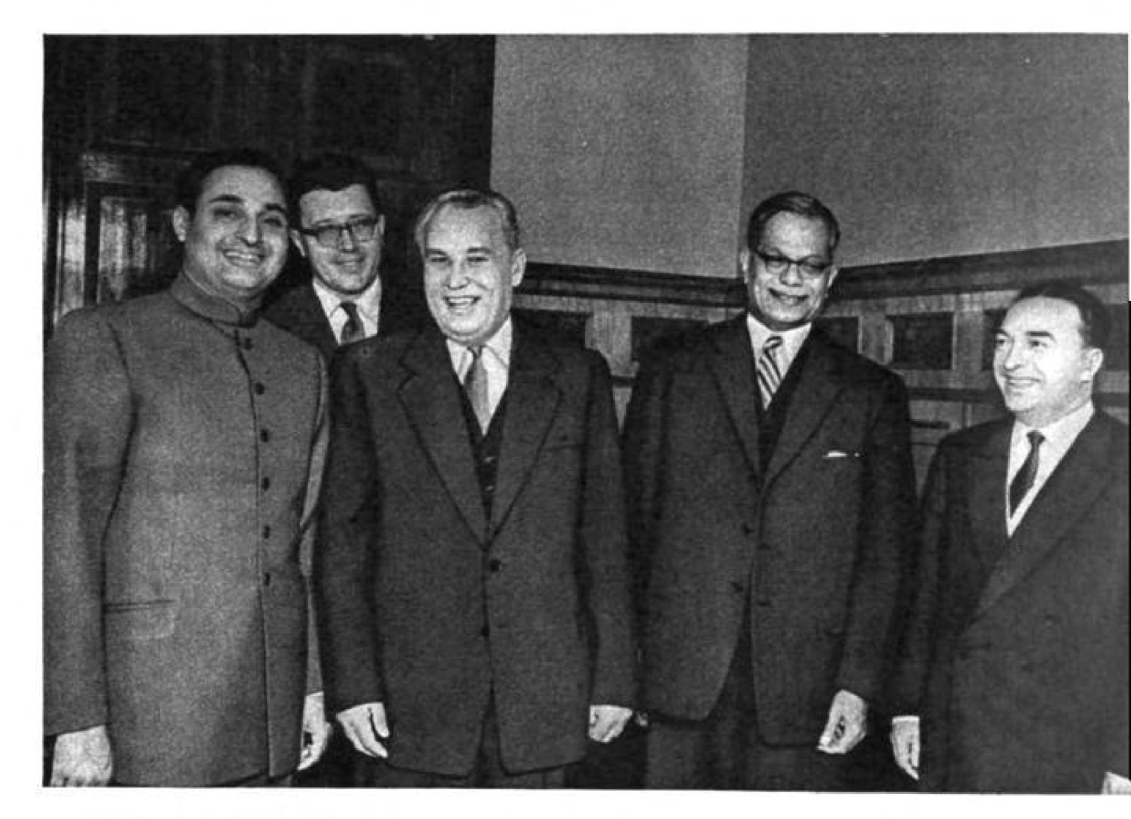
Фото В. Овчинникова.

СЕМИЛЕТКУ ЗА ПЯТЬ ЛЕТ — под таким лозунгом работает весь коллектив гидростроителей Воткинской ГЭС. Осенью 1961 года Кама будет перекрыта и два агрегата дадут ток промышленности, а весной 1962 года первые суда пройдут по новому шлюзу.

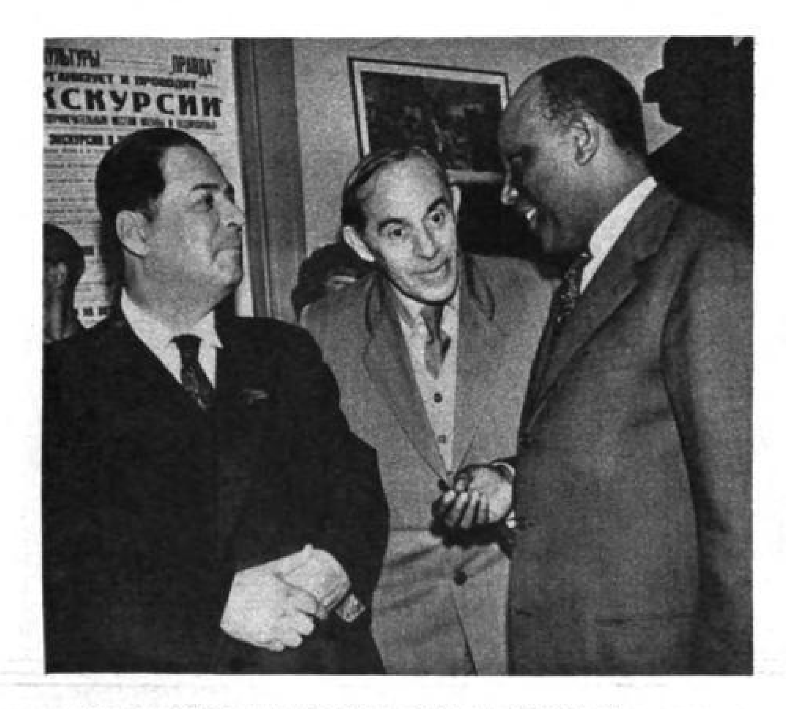
На снимке: на стройплощадке Воткинской ГЭС.

Фото Б. Абросимова.

ВИЗИТ ПЕРВОМУ ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР Ф. Р. КОЗЛОВУ нанес в Кремле гостящий в СССР глава индийского штата Джамму и Кашмир юварадж Каран Сингх. На снимке (слева направо) в первом ряду: Каран Сингх, Ф. Р. Козлов, посол Индии в СССР К. П. Ш. Менон и заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Пушкин.

Фото А. Гостева.

ВЕЧЕР ДРУЖБЫ НАРОДОВ СССР И ЭФИОПИИ состоялся в Доме культуры «Правды».

На снимке (слева направо): директор Института востоковедения, член-корреспондент Академии наук СССР Б. Г. Гафуров, доктор исторических наук профессор В. И. Авдиев и посол Эфиопии в СССР Гетахун Тессема.

Фото А. Конькова.

В ГОСТЯХ У СОВЕТСКИХ ТАНЦОРОВ — участников ансамбля, руководимого Игорем Моисеевым, — побывали на днях артисты американского балета на льду «Холидей он айс».

Советские танцоры показали гостям несколько танцев, которые они готовят для новой программы.

На снимке: встреча советских и американских танцоров.

Фото Е. Умнова.

ВЕЛИКИЙ ПУТЬ ПОБЕДЫ

Советские солдаты ведут бой среди развалин Сталинграда.

С. БОРЗЕНКО,
Герой Советского Союза

Фото Я. РЮМКИНА.

Победа! Крылатое, емкое слово!

В нем и полынная горечь первого лета войны, и первое выигранное сражение под Москвой, и неугасимый огонь боев по всему фронту — от Баренцова до Черного моря.

Ленинград, Севастополь, Одесса, Сталинград — города-герои, о которые, словно о несокрушимые скалы, разбивались злые волны фашистского наступления, дробились и превращались в пыль и прах отборные дивизии гитлеровского вермахта.

Весь мир, затаив дыхание, следил за грандиозной битвой, развернувшейся на Востоке. Порабощенные народы смотрели на Советскую Армию как на единственную силу, способную уничтожить их заклятого врага. Народы знали, что в первые дни Великой Отечественной войны Коммунистическая партия и Советское правительство поставили перед нашими Вооруженными Силами великую освободительную цель — не только отстоять Родину, но и вызволить народы Европы из-под ига германского фашизма.

В те кровавые годы даже американская газета «Вашингтон пост» писала: «Дрожишь при одной мысли о том, что могло бы произойти, если бы Красная Армия рухнула под напором наступающих германских войск или если бы русский народ был менее мужественным и неустрашимым».

Советский народ оправдал лучшие надежды человечества. Он изгнал фашистские орды из пределов своей Родины и помог многим народам освободиться от ига оккупантов и встать на светлый путь строительства новой жизни.

Советская Армия, победоносно наступая, освобождала одну страну за другой.

Войдя с боями в Германию, наши солдаты, воспитанные Коммунистической партией в духе интернационализма, отличили Германию Гитлера и Геббельса — этой банды выродков и палачей — от Германии Маркса и Энгельса, Бетховена и Гейне, Германии миллионов рабочих и крестьян.

Советские войска добили немецкий фашизм в его логове. В Берлинской операции наиболее полно проявились расцвет советской военной науки, совершенство стратегии и тактики Вооруженных Сил СССР. Боевой опыт, сила и искусство Советской Армии, приобретенные в ходе войны, развернулись во всем блеске в этой грандиознейшей битве, подобных которой не знала мировая история.

Многочисленная фашистская армия капитулировала перед советскими войсками.

О солдатах, творцах бессмертной победы, прошедших великий путь от Сталинграда до Берлина, рассказывают эти фотографии.

Член Военного Совета Сталинградского фронта Никита Сергеевич Хрущев беседует с солдатами на марше под Сталинградом.

Встреча воинов-освободителей.

Перекур.

На одном из перекрестков Берлина. Сколько раз эта девушка, которая регулирует движение, стояла под бомбами и снарядами, пропуская танки, рвущиеся в бой, и грузовики со снарядами! Тысячи людей ежедневно проезжали мимо, тысячи улыбок высекал ее взгляд на суровых солдатских лицах.

Группа бойцов и офицеров салютует знамени Победы, поднятому над рейхстагом.

БЕСЕДА В ЧИКАГО

Джозеф НОРС,
американский публицист

Чикаго... Столица нашей внутренней империи, трехмиллионный город, он рвется навстречу самолету из голубой дымки озера Мичиган. Его белые башни отражаются в воде залива, как большие сверкающие мечи. «Мировой мясник» — так назвал Чикаго его уроженец поэт Карл Зандберг. Но сегодня Чикаго — нечто большее, чем это.

Неделю назад я бродил по людным улицам Лупа, мимо Ла Салл, где тесно сгрудившиеся небоскребы чикагской фондовой биржи стоят и глядят на текущий внизу людской поток.

Мне попадалось много больше темнокожих лиц, чем когда-либо прежде в Чикаго. А я бывал в этом городе много раз за эти четверть века, читал лекции, писал о нем и смаковал его кипучую, необъятную жизнь. И вот сегодня я вижу, например, у грейхаундской автобусной станции множество негров; они сотнями и тысячами приезжают в город еженедельно, ежемесячно, приезжают за тысячи миль, с далекого Юга, чтобы спастись от тирании расистов, которая распинает их отцов.

Я вижу, как молодой, стройный негр выходит из автобуса. На нем дешевый готовый костюм и жесткие блестящие желтые ботинки. В руке он несет большую сумку. Рядом с ним идет мальчик лет десяти. Жена с юным лицом, застенчивая, боящаяся взглянуть по сторонам, держит у груди младенца. Девочка лет семи цепляется за ее юбку и смотрит расширенными глазами на этот новый, куда-то спешащий мир, в который она попала. Они, как вижу, приехали откуда-то из Алабамы или Джорджии, где тихие безбрежные поля хлопчатника, и им страшен шум и грохот большого города.

Да, Чикаго сегодня — прибежище для большой волны негритянских беженцев с Юга. Они словно повторяют опыт иммигрантов XIX века — скандинавов, немцев, венгров, поляков, ирландцев, итальянцев,— которые строили этот город-гигант Среднего Запада, описанный одним писателем 80-х годов так: «выматывающий душу бедлам, именуемый городом, признанная преисподняя индустриализма».

В этом городе-преисподней и родился день 1 Мая. Там впервые прозвучали слова о восьмичасовом рабочем дне; они встали, как мечта, над «зверством, жестокостью, подкупом и промышленной каторгой».

Я думаю об этих строках Аугустуса Майерса из его «Истории больших американских состояний», проходя по улицам Чикаго сегодня. Великолепный бульвар окаймляет побережье озера, здесь стоят, словно на выставке, великолепные здания. Но пойдите в глубь города, через асфальтированные прерии, на которых вытянулись бесконечные улицы,— и вы придете к трущобам Саус-Сайда, где живут сотни тысяч негров и где еще сохранились маленькие деревянные домики тех, кто сделал Чикаго «мировым мясником».

Я приехал читать лекцию о Кубе, откуда только что вернулся. Многие из моих слушателей были рабочие или безработные, которые на следующий день собирались в Вашингтон, за тысячу километров, чтобы заявить о требованиях пяти миллионов американских граждан, лишившихся работы.

Они сидели передо мной — целая палитра цветов кожи,— светлые лица скандинавов, немцев, поляков и среди них — черные лица негров. Вот он, город, и вот его сыновья и дочери, чьи предки начали здесь поход за восьмичасовой рабочий день. А сегодня, я знаю, они говорят о том, что нужен закон, обеспечивающий для них хоть шесть часов ежедневной работы.

Но, прежде чем говорить о сегодняшнем дне, поскольку близятся майские праздники, я должен рассказать о вчерашнем дне Чикаго. Это было в 1886 году. Рабочие той эпохи, долго ведшие полуголодное существование и временами впадавшие в апатию и безнадежность, снова поднимались на борьбу. Двумя годами раньше, в 1884-м, федерация профсоюзов и рабочих объединений Соединенных Штатов и Канады издала манифест. «Объединяйтесь для борьбы за 8-часовой рабочий день!» — говорилось в нем. Дата всеобщей стачки была намечена на 1 мая 1886 года.

Идея распространялась, как пожар в прерии. В первые месяцы 1886 года стачки за восьмичасовой рабочий день вспыхивали то здесь, то там. Мужественно боролись рабочие завода Маккормика в Чикаго. Предприниматели двинули против восставших рабочих вооруженных наемников, так называемых «пинкертонов».

Как знакома эта печальная, но героическая история, сколько раз она свершалась и в скольких странах мира! 1 мая 1886 года сорок тысяч человек бастовали в Чикаго, требуя восьмичасового рабочего дня. «Пинкертоны» и штрейкбрехеры забросали камнями митинг, протестовавший против присутствия вооруженных сыщиков. Прибыли отряды полиции и без предупреждения открыли стрельбу из револьверов в рабочих, их жен и детей. Четверо были убиты и многие ранены.

4 мая рабочие Чикаго вышли на демонстрацию протеста против этой расправы, и тут какие-то провокаторы бросили бомбу в ряды полиции, атаковавшей демонстрантов. Из этого кровавого эпизода возник знаменитый процесс жертв Хеймаркета. Бессмертные герои Парсонс, Фишер, Спайс, Энджел были повешены 11 ноября 1887 года, и это вызвало возмущение и протесты во всем мире. И через два года день 1 мая был избран днем международной солидарности рабочего класса.

В этом городе, перед этими потомками павших на Хеймаркете я говорил о Кубе. Я рассказал им о том, как всего девять человек из семидесяти остались в живых после расстрела из пулеметов, учиненного тираном Фульхенсио Батистой. Эти люди высадились на Кубе ночью 9 декабря 1956 года со старого судна «Гамма». Эти девять бежали в Сьерра-Маэстра в провинции Ориенте — красивейший и плодороднейший район Кубы.

Я рассказал, почему эти вольные сыны Кубы, изучавшие партизанское военное искусство в Мексике и вернувшиеся на родину, чтобы освободить ее от кубинского Гитлера, выбрали местом высадки Ориенте. Они выбрали землю Ориенте потому, что там, как говорят на Кубе, начинались все революции. Они начали борьбу здесь еще и потому, что завоеватели привозили сюда из Африки людей, закованных в цепи,— негров, которые должны были, как рабы, обрабатывать их поля. И здесь, в Ориенте, эти девять человек нашли многих патриотов-добровольцев, которые день за днем, неделя за неделей пополняли их ряды, образуя повстанческую армию, слава о которой прогремела по всему солнечному острову. Я поведал также чикагцам, как два года отваги и мужества кубинцев привели в конце концов к победе первых дней января 1959 года.

Люди Чикаго слушали, не шелохнувшись, мою речь и, когда я кончил, засыпали меня вопросами.

— Их было девять? — спросил молодой негр.

— Девять человек,— ответил я. И, отвечая, я подумал о сходстве кубинских повстанцев с героями Чикаго, с этими жертвами Хеймаркета, кучкой отважных людей, двинувших в поход миллионы рабочих во всех странах.

— И девять человек смогли начать такое большое дело? — продолжал молодой негр, поражаясь этому чуду.

— Да, смогли,— ответил я.— Один великий человек сказал: идея, время которой пришло, непобедима.— Я подумал и о Марксе, который учил, что идея, овладевшая массами, становится силой.

Мы долго беседовали. На следующий день юный негр сказал, что он едет в Вашингтон, чтобы сказать правителям богатейшей страны, что безработные отказываются умирать с голоду. Он тоже недавно приехал в Чикаго; через шесть месяцев ему пришлось уже обивать пороги в поисках работы, но ее не было. Когда мы разговаривали, я видел, что никто ему не говорил о великом дне 1 Мая и о том, что Чикаго был его колыбелью. Правители предпочитают убивать историю, как они убивают людей.

Моего нового друга достаточно бесцеремонно вышвырнули на улицу — он работал на одном из чикагских заводов, выросших из старого «Маккормика», где и начались события 1886 года и где так твердо стояли люди за свою мечту о 8-часовом рабочем дне. Он рассказывал, как плохо там рабочему человеку сегодня, о том, как автоматизация, использование новейших машин вытесняют людей. Он говорил об этих машинах с тем же чувством, с каким человек средневековья говорил о чумном поветрии, которое может обрушиться на него каждую минуту.

Он потерял свою работу потому, что новые машины пришли на его завод и отняли у него его заработок. Он не видел иного выхода, кроме единственного: всем работающим согласиться на шестичасовой рабочий день.

— Это,— сказал он,— может дать работу безработным.

Мы заговорили об автоматизации. Я сказал ему, что в странах социализма автоматизация — благодеяние, а не проклятие. И я объяснил ему, почему.

Так текла наша беседа. Я думал о фокусах, которые выкидывает история,— ведь здесь, на этом самом месте, семьдесят три года тому назад чикагцы толковали о восьмичасовом рабочем дне, и здесь их мечта родила день великой надежды — Первомай.

И вот сейчас невдалеке от кладбища Вальдхэйм, где лежат мученики Хеймаркета, чикагский рабочий толковал со мной о шестичасовом рабочем дне. Он понимал, что нелегко будет добиться того, чтобы за шесть часов работы выплачивался тот же заработок. Но он чувствовал и надеялся, что такое время наступит и в его стране. А пока... Пусть правительство позаботится хотя бы о том, чтобы он не умер с семьей от голода.

— Да, это все будет нелегко,— повторил он, когда мы шли ночью по опустевшим бульварам вдоль озера Мичиган.

Он где-то читал, что президента Эйзенхауэра не будет в Белом доме, когда безработные соберутся в Вашингтоне. Он будет играть в гольф в далекой Джорджии.

И перед тем, как мы расстались, он снова спросил меня о Кубе и о тех девяти, которые боролись за нее. Он ничего не сказал, но я словно читал его мысли: если эти девять сумели победить, сумеет победить и он.

Эта беседа взволновала меня. Что-то бодрящее было в этом разговоре с простым человеком Америки о вещах, далеких во времени и пространстве, но все еще таких остросовременных и близких.

Нью-Йорк.

Композитор В. П. Соловьев-Седой в студии «Ленфильм».
Фото Б. Уткина.

Крылатые песни

Стокгольм. Летняя ночь. В одном из залов ресторана «Мальмен» шумно веселится компания болельщиков, съехавшихся из разных стран на первенство мира по футболу. Стихийно возникают и танцы и песни. Но если танцуют почти все, то с пением не ладится. И вдруг кто-то негромко запевает «Подмосковные вечера». Ему вторит другой голос, третий, четвертый... К концу первого куплета в песню включаются итальянцы, а ко второму — уже и бразильцы. Импровизированный хор крепнет, мужает. Теперь поют почти все — на шести—семи языках. Тот, кто не знает слов, воодушевленно заменяет их спасительным «тра-ра-ра-ра-ра»... И оркестранты, не заглядывая в ноты, на память выводят задушевную мелодию...

Накануне Шестого Всемирного фестиваля молодежи и студентов впервые прозвучала в Москве эта чудесная песня Василия Павловича Соловьева-Седого. Композитор написал ее на текст поэта Михаила Матусовского. А в дни фестиваля песню уже пели и венгры, и суданцы, и англичане, и многие другие молодые гости Москвы.

О песнях часто говорят: крылатые. К «Подмосковным вечерам» такое определение как нельзя более применимо. Эта песня облетела страны всех континентов. Закончил ею свой концерт Ван Клиберн на конкурсе Чайковского.

Тот, кто бывал в Китае, знает, что солистам, исполняющим в концертах «Подмосковные вечера», всегда подпевает весь зал.

В столице Ливана московских футболистов команды «Локомотив» встречала «Подмосковными вечерами» публика на стадионе.

И не только на многолюдных встречах поют лирические «Подмосковные». Эта песня чередуется и с беседой друзей и с молчанием влюбленных...

В некоторых странах бытуют тексты этой песни, на первый взгляд отличающиеся от русского подлинника. Но чувства и настроения зарубежных переводов всегда удивительно гармонично сливаются с музыкой Соловьева-Седого. Я попытался со слов бразильского журналиста записать текст, на который он напевал «Подмосковные вечера»:

«В Москве тебя встретят не только снега и ели — там много солнца и тепла. Но прекраснее всего там вечера... В Москве люди всегда улыбаются гостям, но приветливее всего они в тихие, летние вечера...»

Как видите, перевод весьма вольный. Но он искренне и тепло отвечает внутреннему смыслу напевной мелодии, идущей от сердца композитора к сердцам слушателей.

То, что доходчиво, всегда по-настоящему народно. Истинной народностью, доходчивостью дышат и эпический, взволнованный «Вечер на рейде» и пленительно мелодичная «На лодке».

А триумфально шествующая по всему белому свету песня Соловьева-Седого «Если бы парни всей земли» звучит как присяга демократической молодежи великому делу мира и дружбы.

Ц. СОЛОДАРЬ

ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКИХ ПРЕМИЙ

Д. В. ЕФРЕМОВ. Е. Г. КОМАР. Н. А. МОНОСЗОН. А. М. СТОЛОВ. В. А. ПЕТУХОВ. М. С. РАБИНОВИЧ.

Премия присуждена за создание синхрофазотрона на десять миллиардов электроновольт.

А. А. ДУБЯНСКИЙ. М. И. КАЛГАНОВ. С. И. ЧАЯКИН. М. Н. ДОБРОХОТОВ. И. А. РУСИНОВИЧ. Н. Г. ШМИДТ.

Премия присуждена за открытие и разведку богатых железорудных месторождений Белгородского района Курской магнитной аномалии.

С. М. АДЯСОВ. М. Г. БАСС. А. В. ВЛАСОВ. Г. А. ГОЛОДОВ. В. Н. НАСОНОВ. В. П. ПОЛИКАРПОВ.

Премия присуждена за решение крупной градостроительной задачи скоростной реконструкции и благоустройства района Лужников города Москвы и создание комплекса спортивных сооружений Центрального стадиона имени В. И. Ленина.

В. Г. КАНИЩЕВ. С. П. КИЛЬДИШОВ. П. П. КОНОНЕНКО. К. С. КОЧАНОВ. П. В. САФРОНОВ. А. Н. СТОВПОВОЙ.

Премия присуждена за коренные усовершенствования методов строительства доменных печей в СССР.

Я. П. МЕЗИВЕЦКИЙ. Б. Л. КОРОБОЧКИН. И. А. РОСТОВЦЕВ. Е. Ф. СОКОЛОВ. М. М. БЕРМАН. С. П. МИТРОФАНОВ.

Премия присуждена за создание, освоение серийного производства и внедрение в промышленность гаммы высокопроизводительных гидравлических токарно-копировальных полуавтоматов.

Премия присуждена за разработку и широкое внедрение метода группового производства в машиностроении.

Я тебя в Зауралье зову

Николай АГЕЕВ

* * *

Зауралье мое степное!
В зыбком мареве тонут хлеба...
Гулко дважды в году над тобою
Журавлиная стонет труба.
Над травой расстилается ро́здымь,
И покосы встают на дыбы,
И росы непогасшие звезды
Украшают покосов чубы.
А озера—
Бездонные чаши—
Поднебесным сверкают огнем...
Вот раздолья извечные наши,
Вот откуда мы род свой ведем!
Род степной смугловатой породы,
С ястребиным разрезом глаза...
От подростков до белобородых
Умывала нас в поле гроза,
Пеленали жгутами метели,
Обжигали до слез холода.
Нас война одевала в шинели
И в рубахи льняные страда.
Но не гнулись мужицкие кости!
Их вовек не согнуть, не сломать!
Мы — хозяева жизни, не гости,
И земля наша — кровная мать!

* * *

В хмурое,
Глухое Зауралье,
Где нужда людей под корень жгла,
Где ветра́ скулили по-шакальи,
Власть Советов в трудный год пришла.

И об этом вспоминают деды:
— Шла она с Декретом о земле,
То в шинель солдатскую одета,
То в кожанку пепельного цвета,
То пешком,
То конником в седле.

Шла она,
Деревни поднимая,
Как пласты на черствой целине.
Самая народная, земная,
Шла она с винтовкой на ремне.

И в домах помещичьих комбеды
До рассвета не смыкали глаз.
Ждали все, что Ленин к нам приедет
Поглядеть на крепнущую власть.

Власть Советов!
Первые недели
Были чрезвычайно тяжелы!
Кулаки от радости хмелели,
И на власть советскую смотрели
Обрезные, куцые стволы.

Только коммунисты не такое
Испытали на своем веку!..

Зауралье —
Небо голубое!
Красный шелк взметнулся на току.
Вот уже от края и до края,
Как весной бурливая вода,
Разольется, силу набирая,
Наша большевистская страда.

* * *

За селом —
Направо, и налево,
И вперед, сколь видеть может глаз,—
Пышная землячка-королева
Пальмовою рощей поднялась.

Листья в коромысла изогнула,
Бродит в них силосный сочный хмель.
Ты откуда к нам сюда шагнула,
Из каких же сказочных земель?

Старики косятся, как на чудо,
На твою початковую стать:
Вымахала, дескать, мол, докуда,
Что лугов заречных не видать!

А девчата,
Как хозяйки лета,
В выцветших косынках до бровей
Старикам ответствуют,
Что это
Новая владычица полей.

* * *

Здесь рассветы тихозори
В красном бархате до пят,
С тишиной пшеничной споря,
В даль пшеничную глядят.

И душиста, шелкотрава,
В сизом отблеске дымка̀
Степь — любовь моя и слава! —
От хлебов до василька.

Здесь курганы-перекаты,
Как уснувшие века!
Здесь ни бедно,
Ни богато
Мой народ живет пока.

Но уже идет достаток
В каждый дом колхозный здесь!
И уже все чаще сватов
Ждут родители невест.

Значит, хлеба стало вволю!
А годов с пяток назад
Не встречали хлебом-солью
Сватов, люди говорят.

А теперь вот третью осень
Знай лишь сватов находи!
В сваты тех соседей просят,
Кто с наградой на груди.

Дескать, больше им доверья.
И уже наверняка
Перед ними хлопнуть дверью
Не поднимется рука.

Их встречают-привечают,
Низко кланяются им
И при этом отвечают:
— Дочку замуж отдадим.

И каким-то новым светом
Озарится сразу дом,
Как войдет в румянах лета
Дочь-невеста с женихом.

Чтоб на свадьбе крикнуть:
«Горько!»,—
Крошат хлеб в вино сперва...
Стала былью поговорка:
«Хлеб — всей жизни голова!»

В № 16 «Огонек» начал печатать серию бесед об искусстве. Первая статья, «Портрет эпохи», рассказала о художниках, произведения которых положили начало жанровой живописи в русском искусстве, явились истоком творчества передвижников.

В этом номере мы продолжаем рассказ о развитии жанрового искусства в России.

„Бунт ТРИНАДЦАТИ"

Проф. Н. МАШКОВЦЕВ

Как началась живопись передвижников? Крестьянская тема в живописи Венецианова и острые сюжеты в сатирических картинах Федотова предвещали наступление новой эпохи в русском искусстве. Казалось, перед художниками теперь будет открыто широкое и свободное поле деятельности и они, наученные опытом Федотова, передовой русской литературой и публицистикой, сумеют отозваться на жизнь по-новому. Однако эти ожидания не оправдались. Прогрессивное развитие было замедлено Академией художеств.

Какой же была тогда Академия художеств, официальный центр художественной жизни? По сути своей она была консервативной. Правда, академия была основательной школой рисунка, методы которого заложили еще в начале XIX века Егоров, Шебуев и Андрей Иванов. Но и их уроки, уроки блестящих рисовальщиков, мешали ученикам видеть натуру такой, какой она была на самом деле. Профессора учили исправлять натуру по античным статуям, не допускали в работе учащихся никакой самостоятельности, живого восприятия увиденного. Искусство, которое одобряла академия, было искусством по преимуществу подражательным.

Живую струю в академию внес Брюллов, который учил видеть натуру такой, какая она была в действительности. Но его преподавательская деятельность была слишком кратковременной.

Ориентируя своих учеников на западное, главным образом итальянское, искусство, академия всячески стремилась отвадить их от русской жизни, быта русских людей и даже русского пейзажа. Для этого она располагала широким ассортиментом сильных средств. Оканчивая академию, каждый ученик представлял как наглядный итог обучения картину или скульптуру на тему из античной мифологии, из библии и лишь в редких случаях — из русской истории. Все допущенные к конкурсному экзамену должны были создать произведение на одну, общую для всех тему. Профессора не считались со склонностями и вкусами своих учеников. Лучшие из конкурентов получали большие золотые медали и продолжительную, на несколько лет, командировку на казенный счет за границу. Там стипендиат обязан был изучать классическое искусство, сделать копию с указанного ему оригинала, а затем написать большую картину, также на тему из мифологии или библии, утвержденную академией. Если он нарушал эти обязательные условия, его лишали стипендии.

Но академия, стараясь держать в страхе и повиновении своих учеников и молодых художников, не разглядела возникающего в ее стенах глубокого и опасного для нее кризиса. Множество причин обусловило его возникновение. Влияние сатирических рисунков и жи-

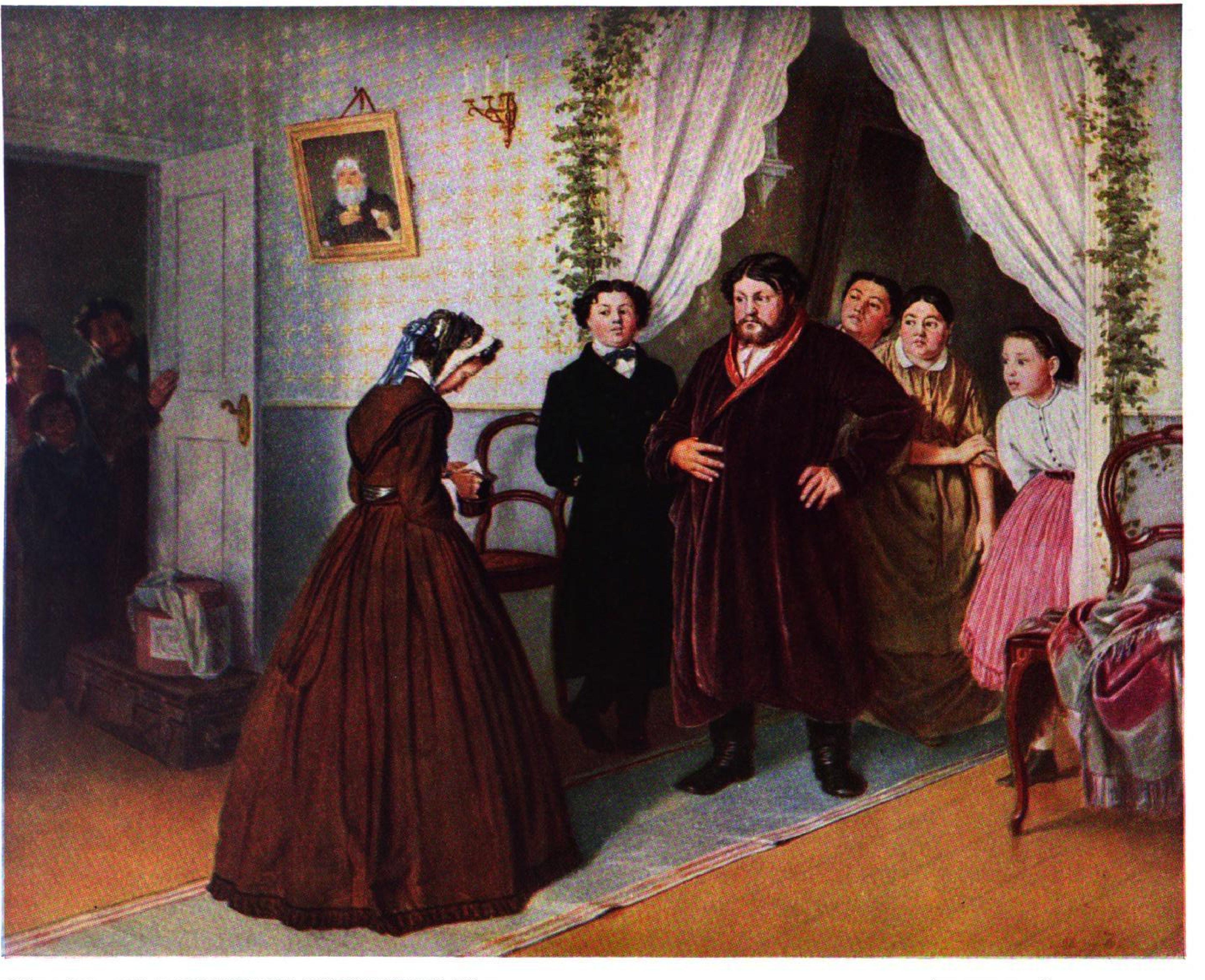

Н. А. Ярошенко (1846—1898).

ВСЮДУ ЖИЗНЬ. 1888 год.

Государственная Третьяковская галерея.

«Огонек».

В. Г. Перов (1833—1882). ПРИЕЗД ГУВЕРНАНТКИ В КУПЕЧЕСКИЙ ДОМ. 1866 год.

Государственная Третьяковская галерея.

вописи Федотова послужило этому в первую очередь.

В 1858 году появился еще один, и притом сильнейший фактор: в самом здании академии была выставлена знаменитая картина А. Иванова «Явление Христа народу». Картина экспонировалась вместе с этюдами к ней, которые говорили о самоотверженном и целеустремленном труде художника. И. Н. Крамской отозвался о произведении Иванова с восторгом как о новом слове в живописи: так далеки были ее реалистические принципы от бесчувственных творений современников. И недаром академия постаралась спровадить полотно Иванова из Петербурга в Москву, оберегая своих питомцев от влияния этой реалистической живописи.

Картина русской художественной жизни была бы неверной и неполной, если не упомянуть о Московском училище живописи, ваяния и зодчества, которое, пользуясь относительной независимостью от академии, скромно насаждало реалистическое искусство.

Неофициальным руководителем училища был знаменитый художник Тропинин, замечательный портретист, немало сделавший и для создания жанровой живописи. Существуют сведения, что он был первым учителем братьев Маковских, из которых младший сделался замечательным жанристом. Преподавали в училище А. Н. Мокрицкий, ученик Венецианова и Брюллова, и С. К. Зарянко, прошедший тоже венециановскую школу. Оба они были учителями В. Г. Перова, острое творчество которого перекликается с сатирами Салтыкова-Щедрина. Очевидно, за дальностью расстояния и из-за множества своих собственных забот академия не сумела прибрать к рукам московское училище, тем более что собственная ее жизнь стала очень беспокойной.

Большая группа молодежи объединилась вокруг И. Н. Крамского, кончавшего академию. Они собирались по вечерам на его квартире, рисовали, читали передовую литературу, публицистику. В атмосфере свободомыслия, страстного патриотизма вырастало у молодых людей чувство гражданственности, стремление служить народу.

Кризис в академии наконец разразился. Это было 13 ноября 1863 года. Все собрались в конференц-зале, секретарь академии торжественно провозгласил тему конкурсной работы: «Пир в Валгалле», — пояснив, что эта тема взята из скандинавской мифологии. Молодые художники подходили к сонму профессоров, и все они, их было тринадцать, заявляли о своем отказе участвовать в конкурсе и просили только выдать им свидетельство о прохождении курса учения в академии. В этой просьбе им не отказали, но в то же время о политическом «бунте тринадцати» было сообщено полицейским властям, и выпускников взяли под негласный надзор.

Теперь у Крамского, который чувствовал на себе огромную ответственность за всех, была главная забота — не дать распылиться и растратиться молодым силам. Прежде всего нужно было найти заработок начинающим живописцам. Так возникла идея «Артели», объединившей художников, вышедших из академии. «Артель» начала брать разнообразные заказы. Творческим и добросовестным исполнением, за которым наблюдали члены «Артели» и прежде всего сам Крамской, объединение завоевало хорошую репутацию.

Летом художники разъезжались, работали на природе, а осенью устраивали выставку этюдов, картин, портретов. Скоро и эта сторона деятельности «Артели» получила широкую известность. Выставки и вечера художников посещали студенты академии, становясь преданными приверженцами реалистического искусства. Но некоторые из участников «Артели» начали смотреть на нее как на доходное предприятие, заботились только о заработке. В знак своего несогласия с ними Крамской вышел из «Артели». Теперь перед ним стояла более серьезная задача. Он взялся за организацию передвижных художественных выставок. Здесь он хотел объединить все передовые художественные силы России. Был создан устав «товарищества», определявший состав участников и характер будущих экспонатов. Выставки объединили петербургских и московских художников. Главою москвичей был художник В. Г. Перов.

Ранние картины Перова появились задолго до передвижников. Все они носят характер яркой, ожесточенной критики существующих порядков. Народ в них изображался с глубоким, искренним сочувствием, а власть имущие — с уничтожающей иронией. Такова, например, его «Проповедь в селе» — жестокая критика православного духовенства и представителей класса помещиков.

Живопись Перова тщательна, как миниатюра. Основное внимание художника направлено на выражение действующих лиц. В этом отношении особенно замечательна картина «Приезд гувернантки в купеческий дом», в которой каждое действующее лицо предельно типически выразительно. Произведение Перова перекликается с комедиями Островского, в которых всегда на первом плане стоит классовая характеристика героев. Композиция картины Перова, мизансцена обусловлены прежде всего ролью персонажей, эмоциональным содержанием произведения. Как далеко искусство Перова ушло от традиционных академических композиций, построенных на равновесии фигур и треугольных групп!

Возвращаясь к передвижным выставкам, нужно сказать, что глубокий демократизм определял не только отбор художественных произведений, но и самую идею передвижных выставок. До их организации все экспозиции в Петербурге устраивала Академия художеств, а в Москве — любители искусства. В провинциальных городах, даже таких крупных центрах, как Киев, Одесса, художественных выставок вовсе не было. Теперь же они, переезжая из города в город, знакомили общество с современным искусством, причем с лучшими произведениями, которые только что были показаны в столицах.

В первых рядах критики стоял тогда В. В. Стасов, друг художников, боец за реалистическое искусство, яростный противник академии и всего того, что было связано с ее деятельностью. По глубине понимания искусства, по страстному темпераменту и убедительности статьи Стасова являются лучшим материалом для изучения творчества той эпохи. Вопросы искусства Стасов всегда связывал с самыми жгучими вопросами современности.

Блестящим критиком изобразительного искусства был и Крамской, он обладал выдающимся публицистическим даром. Правда, статьи его можно было увидеть в печати сравнительно редко, но поистине драгоценными являются его письма. Это не только летопись современной ему художественной жизни. Это верный и глубокий анализ чуть ли не всех выдающихся художественных произведений, созданных тогда. Он детально разбирал каждую картину, появлявшуюся на передвижных выставках, старался проникнуть в суть живописного полотна, понять задачу художника, его мысль, и уже затем судить, насколько качество и характер исполнения соответствуют намерениям живописца. Письма Крамского — это письма художника-критика.

Крамской очень высоко ценил творчество Ярошенко.

Искусство Ярошенко, воспитанное идеями революционных демократов, близко к творчеству его современников писателей Г. Успенского, Гаршина, Короленко, Чехова. О добрых движениях человеческой души, о тяжелых социальных условиях, которые калечат слабых, порою делают их преступниками, и о стойких борцах с несправедливостью царского режима рассказывают герои полотен Ярошенко.

В картине «Всюду жизнь», в этой сцене с голубями на полустанке, раскрываются подлинно человеческие душевные качества. Художник рассказывает зрителям о характерах и судьбах заключенных. Это не столько преступники, сколько несчастные жертвы самодержавия. Бесправие и нищета привели их в тюремный вагон.

Может показаться случайной, фрагментарной композиция «Всюду жизнь». Но в ней все продумано. Художник этой кажущейся случайностью как бы подчеркивает, что так все и было, вот именно таким он увидел кусочек жизни и передал его на полотне. Колорит картины созвучен ее содержанию — холодные зеленоватые тона, бледные лица арестантов, вся атмосфера этого серенького дня настраивает зрителя печально, заставляет задуматься о тяжелой, несправедливой участи заключенных.

А. И. Корзухин — один из тринадцати художников, отказавшихся участвовать в конкурсе на золотую медаль Академии художеств.

Две лучшие картины Корзухина, «Перед исповедью» и «В монастырской гостинице», написаны на тему церковного быта. В них нет бичующего сарказма, острой сатиры, которые характерны для полотен Перова, высмеивающих духовенство. В повествовательном тоне, спокойно, как бы изнутри произведения художник разоблачает узаконенное церковью социальное неравенство людей, лживость церковной морали, цинизм духовенства.

Герои Корзухина все очень выразительны, характер каждого из них раскрывается всегда во взаимодействии с другими. Этими внутренними отношениями между действующими лицами и определяется композиция Корзухина, решаются пластические задачи.

Посмотрите на картину «В монастырской гостинице». Суетливые слуги, разбросанные вещи, бордовые, с крупными цветами, обои в большой неприбранной комнате — все это скорее напоминает трактир, чем гостиницу «святой обители».

В центре композиции двое — расфранченная барынька, вероятно, богатая купчиха, и щеголеватый красивый настоятель с наперсным крестом, на котором сверкают бриллианты. Настоятель, вежливо склонившись, несколько даже игриво слушает барыньку, со смазливого и глуповатого лица которой не сходит вопросительное, капризно-недоуменное выражение. Оба увлечены светской беседой и совершенно не обращают внимания на всю суету, которая происходит вокруг них.

Старуха в темном платке низко кланяется то ли настоятелю, то ли купчихе. Это одна из тех проженных святош и лицемерных богомолок, которые всю жизнь устраивались у богатых барынек приживалками или пользовались даровыми монастырскими хлебами. В ханжески поджатых губах и опущенных с показной набожностью глазах, во всей фигуре, согнувшейся в поклоне, — лицемерие и злость.

Все в картине живут, все наделены характером, действием. Пока степенно и даже жеманно переговариваются и торгуются из-за чашки чая две старушки, прислужник на ходу допивает чьи-то остатки.

В дверях, мешая проходящим, застыл монах. Он внимательно, с чувством досады и иронии наблюдает за кокетливой беседой «святого отца», который явно опередил его и сумеет получить у купчихи деньги на «нужды церкви».

Глубокие и ясные характеры, точно найденная композиция и цветовое решение делают произведение Корзухина художественно убедительным.

О творчестве В. М. Максимова И. Е. Репин сказал, что это «подлинное свидетельство о жизни народа». Максимов жил в деревне, там и писал свои картины. Критиками его были крестьяне, и он всегда «поражался верностью оценки и беспощадностью метких эпитетов». «Да, да, сам народ написал свою картину...» — говорил Крамской о «Приходе колдуна на крестьянскую свадьбу».

Крестьянской теме посвящены многие творения И. М. Прянишникова и В. Е. Маковского, но и у того и у другого преобладают темы жизни городской бедноты.

На небольшом полотне «На бульваре» Маковский проникновенно изобразил сложную житейскую драму. К молодому парню, переселившемуся на заработки в большой город, приехала жена с грудным ребенком. Видимо, нужда погнала крестьянского парня из деревни, и здесь он хлебнул «привольной» городской жизни. Вероятно, он снимает где-то «угол» и свою жену принимает на бульваре. Ее неожиданное появление как будто мало его обрадовало, и он только и думает, как бы ему поскорее спровадить жену обратно. Лица героев, их одежда, весь фон картины комментируют происходящую драму. Никому нет дела до этой жалкой пары. За бульваром высятся каменные дома, холодные и бездушные. Талант художника сказался в выборе сюжета, в крайнем лаконизме изображения и в том искусстве, с которым показан небольшой кусок огромного города, где затерялась эта несчастливая пара. По своей социальной глубине небольшое полотно В. Е. Маковского равноценно маленьким рассказам Чехова.

Внимание, мины!

Из цикла документальных новелл о дивизионной газете

Мих. АЛЕКСЕЕВ

Рисунок В. ВЫСОЦКОГО.

Похоронили Вальку Тихвинского, оставили в Золотой венгерской долине маленький холодный курганчик и, сумрачные, подавленные неожиданно посетившей нас бедой, вернулись в домик, одиноко стоявший неподалеку от дороги, на которой смутно чернел подорвавшийся на мине редакционный грузовичок.

В домике свободно разместилось все наше хозяйство.

— Ну, что же мы теперь будем делать? — спросил я всех сразу (редактор при взрыве мины был немного контужен и находился в медсанбате) и уточнил невеселую ситуацию: — Грузовик погиб, шрифты рассыпались, разлетелись в грязь... Следовательно, «Советский богатырь» отныне прекращает свое существование на неопределенный срок...

В недалеком прошлом строевой командир, волею случая сделавшийся исполняющим обязанности редактора дивизионной газеты, я привык к коротким и точным формулировкам. Нарисовав несколькими словами весьма нерадостную картину, я выжидательно примолк, глядя по очереди на всех своих сподвижников. Сначала, разумеется, на старшего лейтенанта Андрея Дубицкого — секретаря газеты, которого для солидности я иногда называл начальником штаба нашего откровенно небоевого подразделения. Потомок сибирских казаков, с темным кучерявым чубом, несказанно гордившийся своей родословной, Андрей не отличался ни особой удалью, ни вообще широтой своей натуры. Бережливый и скуповатый, он ревностно хранил свои личные вещицы: школьный пенал, в котором находились карандаши и скальпель для резьбы на линолеуме (Андрей был художником), котелок, кружку и ложку. Ложка у него всегда покоилась за широким кирзовым голенищем, откуда он извлекал ее при виде приближавшегося Лаврентия Еремина, снабжавшего нас едой из ахчеэского котла. Лишь в эти минуты Дубицкий прогонял со своего усатого бледного лица меланхолию и с лукавым торжеством взглядывал на Юрку Кузеса, который, как известно, никогда не имел ни своего котелка, ни своей ложки и вообще ничего своего. За такую беспечность Андрей прямо-таки презирал Юрку, и, наверное, несчастный Кузес умер бы с голоду, если б его не выручал Лавра. Он торопливо облизывал свою ложку и передавал ее Кузесу. Тот благодарно ласкал Лавру своими черными, глубокими, прекрасными глазами.

Сейчас лицо Дубицкого, худенькое, бледное, ничего не выражало, кроме бесконечной безнадежности. Кузес же смотрел на меня по-детски невинными, ясными очами и часто мигал длинными темными ресницами. С его круглого лица не сходил свежий, жаркий юношеский румянец. Но было совершенно очевидно, что на поставленный мною роковой вопрос сказать ему решительно нечего, так же, впрочем, как и Дубицкому.

Следующим был наборщик, он же начальник типографии, сержант Макогон, светловолосый парень с большими навыкате зелеными, малость нагловатыми глазами. Он, как специалист, лишь авторитетно удостоверил то, что для всех нас и без того было ясно:

— Шрифты погибли. Газету выпускать нельзя.

Второй наборщик, Миша Михайлов, тихий и молчаливый, отвернулся к окну, будто что-то там вдруг узрел очень важное и интересное. Печатник Иван Обухов сидел с полуоткрытым ртом, обнажив редкие, торчавшие вкривь и вкось, изъеденные свинцовой пылью зубы. По одному его сиротливому виду нетрудно было понять, что и он не приготовил для нас спасительного ответа на мучительный вопрос: «Что же делать?»

Оставался Лавра. Мне очень хотелось бы послушать Еремина, но его в домике не оказалось: копошился возле подорвавшейся машины, взятой им на время в автороте (наша собственная полуторка, благополучно дотащившая нас от Сталинграда под самый Будапешт, находилась в ремонте).

Пришлось отправиться к начальнику политотдела дивизии полковнику Денисову и просить, чтобы он затребовал новые шрифты в политотделе армии или фронта. Денисова все мы любили, но и побаивались: от него нам частенько влетало. Соврем малость в газете либо преувеличим что по извечной журналистской слабости, он вызовет всех сразу к себе, выстроит в ряд и долго «изучает» каждого хитрыми, с прищуром, насмешливыми глазами. А потом скажет:

— Ну, агентство Гавас, опять заврались? Что же прикажете делать с вами?

Мы отлично знали, что ничего худого начподив с нами не сделает, но было очень стыдно.

Политотдел дивизии находился в небольшом венгерском городе Ясладань, и ночью я не скоро отыскал его. Полковник Денисов зачитывал очередное политдонесение, составленное инструктором Новиковым. Тут же стоял с красной папкой под мышкой и сам инструктор.

— Послушай, Новиков. Откуда это ты все взял? Воронцова я еще неделю тому назад командировал в поарм, а ты расписываешь его дела в полку. Разукрасил, как владимирский богомаз... Вычеркни это! Мы и так избаловали Воронцова. А о наших погорельцах сообщил?..

«Погорельцы» — это, конечно, мы. И я насторожился, притих, благо, занятые своим делом, ни Денисов, ни Новиков не заметили моего появления.

Полковник между тем продолжал:

— Напиши, что газета выйдет не раньше чем через неделю.

— Она никогда не выйдет! — заорал я что есть моченьки.— Вы знаете, что все шрифты погибли, товарищ полковник?

Денисов повернулся:

— Ах, ты уже здесь? Ну что же ты орешь? Давай докладывай. И долго вы искали эту мину? Это же ведь надо уметь! Сотни машин прошли раньше вас по этой дороге — и ничего. Только вы... Ну, да ладно. Рассказывай!

Я рассказал, закончив тем, что газета не может выйти ни через неделю, ни через две недели, ни через месяц, ни через год и вообще никогда не выйдет, ежели нам не дадут шрифты...

— Шрифты вам никто не даст,— спокойно подтвердил Денисов.— А газета должна выйти через неделю. Дивизия не может остаться без своей газеты.

— Но, товарищ полковник...

— Все, капитан, идите!

Но я продолжал стоять. Мне показалось, что полковник смеется надо мной. Я вспомнил своих несчастных ребят, что ждут меня в одиноком домике, и мне стало очень обидно и за них и за себя.

— Газета без шрифтов не может выйти! — в полном отчаянии повторил я.

— А вы их найдите.

— Где?

— Где потеряли.

Это было уж слишком!

«Умный же человек, что он, однако, говорит?» Я готов был заплакать, глядя на маленькую, подобранную, аккуратную фигурку начподива, повернувшегося ко мне спиной и колдовавшего что-то над политдонесением. И спина и маленькие красные уши, плотно прижатые к большой круглой голове, были сердиты.

— Разрешите идти? — стараясь быть спокойным, спросил я все же дрогнувшим голосом.

— Идите,— сказал полковник сухо.

Лишь на рассвете я вернулся в наш домик. Там никто не спал. Мне даже показалось, что люди сидели все в тех же позах, в каких они были с вечера. Теперь все с надеждой смотрели на меня и ждали, что я им сообщу. Мне почему-то захотелось тотчас же уничтожить эту их надежду, и я резко, словно бы эти ребята были виноваты в том, что случилось, выпалил:

— Никаких шрифтов нам не дадут! Через неделю приказано выпустить первый номер газеты.

— Ничего себе! Чем они там думают? — поморщился Андрей Дубицкий.

— Товарищ капитан, разрешите я сам схожу к Денисову? — попросил Юрка Кузес (начальник политотдела его любил, и Юра знал это).— Тут какое-то недоразумение...

— Они видели когда-нибудь типографию? — ядовито сказал Макогон, сверкнув зелеными глазами.

— Приказы не обсуждаются, а выполняются! — громко сказал я, и все притихли.

Первое конструктивное предложение поступило от Миши Михайлова.

— Надо занять шрифты в соседних дивизиях,— сказал он.

Ухватились было за это предложение, но при дальнейшем обсуждении пришли к единодушному заключению, что из этой затеи ничего не выйдет: мы по собственному опыту знали, сколь бедны редакции дивизионных газет шрифтами.

Иван Обухов предложил поездить по венгерским городам и посмотреть, нет ли где русской типографии. При этом он горячо выдвигал свою кандидатуру для такого путешествия. Но и его идея не нашла приверженцев.

— А по-моему, никуда не надо ездить, а собрать свой шрифт,— спокойно и деловито молвил Лавра.

На него посмотрели, как на сумасшедшего.

И все-таки я спросил на всякий случай:

— Как же ты соберешь его в такой грязище?

— Очень даже просто,— пояснил Лавра.— Найти в мадьярском селе два кроильных решета: почаще который — для маленьких буковок и который пореже — для больших, стало быть. Собрать вокруг машины всю грязь и промывать через решета...

Наборщики зло расхохотались, отвергая безумный, с их точки зрения, план Лавры. К наборщикам присоединились и Дубицкий с Кузесом. Юрка все еще порывался пойти к начальнику политотдела и что-то доказать ему. Говоря честно, я тоже не пришел в восторг от Лавриной идеи. Но, как бы там ни было, решета уже овладели нашим воображением, завертелись перед глазами, в голове. Мы пытались уйти от них, посмеиваясь над Ереминым, старались забыть, выискивали новые варианты, однако вновь и вновь мысль возвращала нас

к ним. Лавра, похоже, догадывался об этом и деталь за деталью начал уточнять свое предложение, облекать его в зримые, осязаемые формы. Мы уже видели, как после процеженной сквозь решета грязи в них оставались маленькие черные желанные свинцовые буковки и наборщики осторожно раскладывают их по ячейкам касс. Сантиметр за сантиметром, метр за метром перебирается нашими руками земля, и ячеечки касс, как пчелиные соты, наполняются и наполняются...

— А что, товарищи, а? Попытка не пытка... А? А ну, Лавра, бери с собой Макогона — и марш за решетами!

Лавра пошагал быстро. За ним лениво побрел Макогон, явно не веривший в успех дела.

Я, Дубицкий и Кузес отправились к разбитой машине на рекогносцировку. Недалеко от машины зябко бугрился холмик. Не сговариваясь, мы подошли к холмику и, сняв шапки, немного постояли возле него. Потом пошли к машине, присевшей на раздробленный кузов: мина взорвалась под правым задним скатом. Всю землю в радиусе примерно пятидесяти метров мы разметили на квадраты, с тем, чтобы ни единой пригоршни не осталось не пропущенной сквозь решета.

Вскоре Еремин и Макогон вернулись с решетами. В руках Лавры был еще фонарь — это для ночной смены.

Обозначили участок флажками и приступили к работе.

Над нами висело мокрое, холодное, чужое небо. Руки стыли в ледяной грязи, пальцы коченели, скрючивались, делались несгибаемыми, царапали землю, как грабли. Носы наши быстро расхлябились, и из них текло. Зато в деревянные ячейки буква за буквой возвращались драгоценные шрифты. В решетах, кроме букв и другого типографского материала, оставались острозубые осколки мин и снарядов, а также сплющенные пули. Лавра для чего-то складывал их в ведро. Время от времени я посматривал на Андрея Дубицкого. Мрачный и бледный, он трудился, как старатель, пригоршнями черпая грязь и складывая ее в решето. От домика, из колодца, Ваня Обухов таскал воду, а воды надо было очень много.

На другой день приехал начальник политотдела полковник Денисов.

— Здорово, погорельцы! Как дела?

— Трудимся, товарищ полковник.

— Добро! — И сам присел на корточки, чтобы вместе с нами продолжать нашу тяжкую работу.

Лавра, инициатор этого предприятия, был против обыкновения молчалив и сосредоточен. В его добрых глазах сейчас тлели напряженные огоньки.

К концу четвертого дня работа закончилась. Недоставало каких-то букв из петита и буквы «И» в самом красивом заголовочном шрифте, составлявшем гордость Макогона. Тем не менее на пятый день, на одни сутки раньше срока, на передовую пришла знакомая солдатам маленькая газетка «Советский богатырь». Над всей первой страницей крупными буквами было напечатано:

«ВНИМАНИЕ, МИНЫ!»

В ротах долго потешались над самим существом этого предостерегающего возгласа: дивизия была наслышана о том, что редакция подорвалась на мине. Кто-то даже заметил:

— Пока гром не грянет, русский мужик не перекрестится.

Но с той поры офицеры и солдаты еще больше полюбили свою газету-малютку.

Месяц спустя, проезжая мимо того места, где подорвалась наша машина, я увидел рядом с могильным холмиком, под которым лежал Валька Тихвинский, еще один точно такой же холмик. На деревянной пирамидке, увенчанной красной звездой, я прочел:

«Рядовой ВАВИЛЬЧЕНКО А. И.
1924—1944 гг.
Погиб при разминировании
дороги Ясберень — Ясладань».

Это была та самая дорога, на которой мы несколько суток кряду ковырялись в грязи, собирая шрифты. Плечи мои зябко передернулись, и я бегом вернулся в свою машину. Захотелось поскорее убраться с того места, где совсем недавно дважды прогулялась смерть. Только теперь я понял, почему был молчалив, сосредоточен Лавра и почему в его добрых глазах горели напряженные огоньки.

Журавли

Иван РЯДЧЕНКО

Постоим под звездами без слова.
Тяга журавлиная слышна:
на орбиту неба голубого
запускает спутников весна.

Тянут над лесами и лугами
птицы с африканских берегов
под звездой,
сработанной богами
наших институтов и цехов.

Тянут над Парижем и Берлином,
крыльями волнуют вышину,
словно забивают
клин за клином
в дряхлую «холодную войну».

Цветы

Иван МИРОШНИКОВ

На проталине первый цветок,
как разведчик ударной бригады.
Каждый синий его лепесток
голосует за сполохи радуг.

Тает снег под напором лучей,
птицы небо спокойно пунктирят,
и цепочка летящих гостей,
словно строчка из песни о мире.

В наступленье рванулась весна —
взрывы почек леса оглашают.
Всем по сердцу такая война,
потому что цветы побеждают.

В добрый час

Богдан ИСТРУ

Приднестровских пашен пахари,
Жители долин и Кодры [1],
Выходите с плугом на поле,—
В небе жаворонок бодрый!

Чуть земля весной прогреется,
Сбросит снежные одежды,
Запевает в небе жаворонок
Песню радостной надежды.

Пусть родит земля без устали,
Как любовь рождает счастье,
Пусть посеянное зернышко
Станет колосом качаться!

Пусть созреет столько золота,
Чтоб не сосчитать квитанций,
Пусть потужатся бухгалтеры
Да и сам министр финансов!

Приднестровских пашен пахари,
Жители долин и Кодры,
Слово слушайте сердечное:
— Час вам добрый!

Тысячами лягут борозды —
Все одна к одной на ниве,
Принесет с зарею облако
Теплый ливень.

Выходите с плугом на поле,
Как со старины ведется,—
Над колхозными просторами
Песня жаворонка льется!

Перевел с молдавского
Николай АСАНОВ.

[1] Лесистая Молдавская возвышенность.

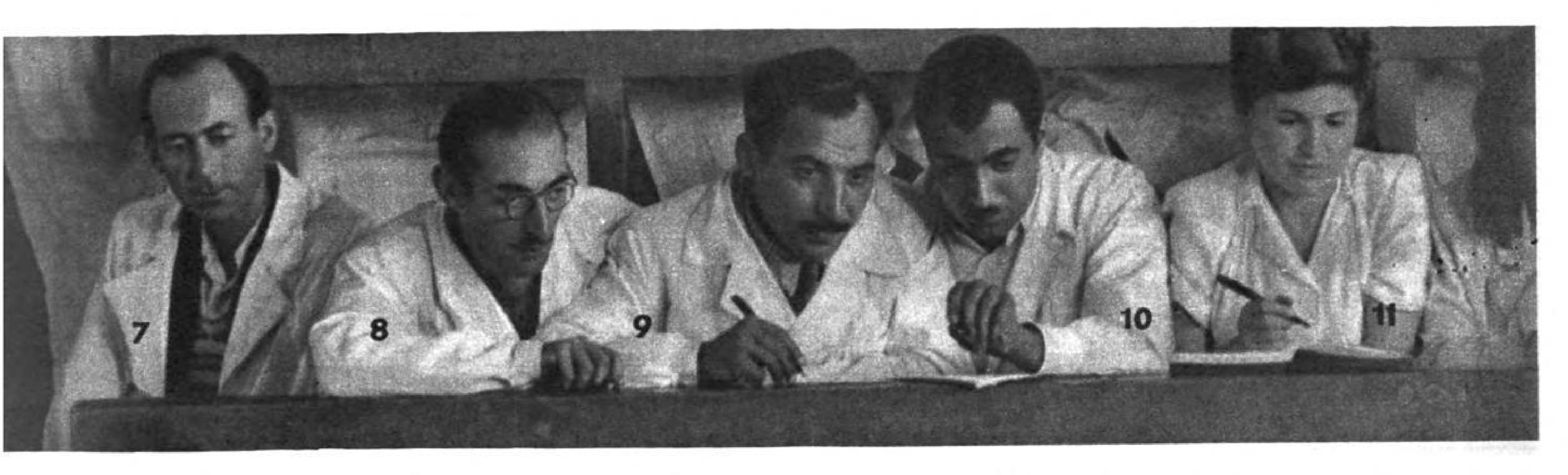
ОНИ СИДЕЛИ РЯДОМ

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ
В. ВИКТОРОВ

В № 50 журнала «Огонек» за 1950 год был опубликован снимок, сделанный в Ереванском медицинском институте: студенты второго курса на лекции по физиологии. Где же они теперь, давние соседи и друзья? Какова их судьба? Что они успели в жизни?..

Так мы снова оказались в Ереванском медицинском институте.

Но для того, чтобы встретиться с бывшими студентами-второкурсниками, надо установить их фамилии, узнать их новые адреса. Кто нам поможет? Мы спросили, не работает ли кто-нибудь из бывших студентов этого выпуска

в институте. «Как будто бы нет,— услышали мы в ответ.— Хотя вот эта девушка на вашем снимке очень похожа на нашу Элеонору» (на снимке в кружке).

И вот мы встретились с Элеонорой Барсегян. Да, это она сидела девять лет назад на лекции по физиологии. Одного за другим вспоминает Элеонора всех своих сокурсников.

Итак, фамилии нам известны, но тут же возникает другая трудность: уж очень вместительна аудитория медицинского института. Разве можно рассказать в одном очерке о судьбе девяноста человек? Придется сузить рам-

ки кадра, и мы тут же очерчиваем часть снимка. Она нам кажется зрительно наиболее выразительной. Но Элеонора Барсегян, наша проводница в прошлое, не попадает в этот кадр. А ведь она помогла нам! Несправедливо.

Пообещав старшему лаборанту кафедры топографической анатомии и оперативной хирургии Ереванского медицинского института Элеоноре Барсегян придерживаться справедливости, мы устремились навстречу нашим героям... Для того, чтобы повидаться с ними, надо проехать не одну сотню километров по Армении.

Спустя столько лет давние друзья снова рядом.

1-2 Степан Григорян и Анджик Акопян не случайно оказались рядом на студенческой скамье. Они друзья детства, учились в одной школе в Кировакане. Что же удивительного в том, что и в медицинском институте они попали в одну подгруппу? А на пятом курсе Анджик Акопян исчезла из студенческих списков. Нет, Анджик не бросила учебу, она просто приняла другую фамилию — Григорян.

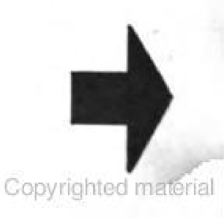
Анджик стала педиатром — детским врачом, Степан — рентгенологом. Таково было у них единственное расхождение во взглядах. Но это не только не помешало их совместной работе, а, наоборот, облегчило ее. Вот и сейчас мы застали Анджик и Степана Григорян за обсуждением рентгеновского снимка. Они теперь живут и работают в родном городе — Кировакане.

3 Ленинакан, в котором мы встретились с Асмик Карапетян, — второй город Армении и крупный промышленный центр. Мы нашли Асмик в цехе чулочной фабрики. Нет, она не изменила своей профессии и осталась врачом. Просто Асмик работает в здравпунктах чулочной фабрики и текстильного комбината. Врача Асмик Карапетян часто можно встретить в кругу работниц.

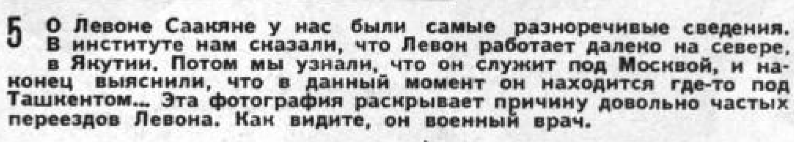
4 Роза Маркарян выросла в семье педагога, мечтала о профессии врача. Закончив семилетку, Роза поступила в медтехникум, а учась в нем, уже работала акушеркой. После техникума она стала студенткой медицинского института с твердым решением быть педиатром. Недавно у Розы Маркарян родилась дочь Анджела.

ОНИ

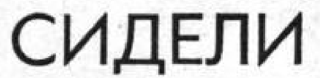

5 О Левоне Саакяне у нас были самые разноречивые сведения. В институте нам сказали, что Левон работает далеко на севере, в Якутии. Потом мы узнали, что он служит под Москвой, и наконец выяснили, что в данный момент он находится где-то под Ташкентом... Эта фотография раскрывает причину довольно частых переездов Левона. Как видите, он военный врач.

9 А это Акоп Васканян из сирийского города Халеб. В 1920 году семья ювелира Погоса Васканяна бежала из Турции и нашла пристанище в Сирии. Для молодого Акопа скитания окончились, когда он приехал в Армению. Здесь он получил профессию детского врача, здесь встретил девушку, которая стала его женой. Джульетта Васканян окончила биологический факультет Ереванского университета и сейчас занимается в аспирантуре Академии наук. Через месяц она будет защищать кандидатскую диссертацию. А вот еще один Васканян, названный в честь деда Погосом. Ему сегодня немного нездоровится.

СИДЕЛИ

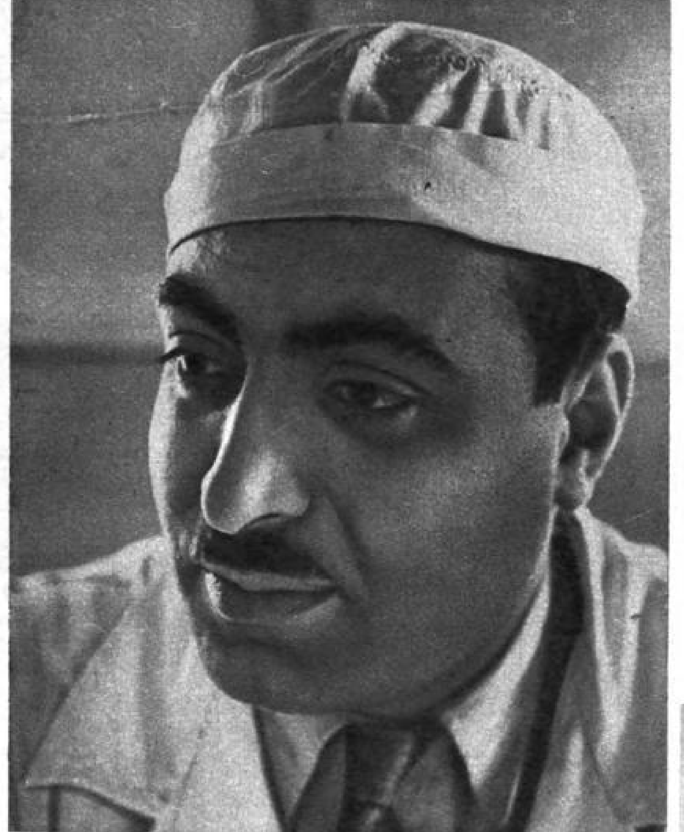

6-7 Два соседа Левона Саакяна тоже оказались довольно непоседливы. Мариам Васканян после окончания института уехала в Тбилиси и как раз в те дни, когда мы побывали в Армении, находилась по пути в Ленинакан. Грант Чивиджян работал врачом в Литве, а теперь переезжает в Сухуми. Поэтому сфотографировать их мы не сумели. Зато троих друзей Гранта, сидящих рядом с ним, мы смогли повидать и рады познакомить их с вами, дорогие читатели.

РЯДОМ

8 Перед вами Жирайр Макасян, юноша из Греции. В 1947 году приехал он в Ереван и нашел здесь свою вторую родину, настоящих друзей, настоящую, полюбившуюся ему работу. Теперь он врач кировоканского родильного дома. Когда мы пришли к нему, кончилось ночное дежурство. Оно было довольно неспокойным: на свет появилось десять новых советских граждан.

10 Главный врач одной из кировоканских поликлиник Ара Багдоян, приятель Жирайра Макасяна, недавно купил дом. Родившийся в Сирии, Багдоян нашел свое счастье в Армении. Теперь веселого доктора хорошо знают в Кировакане.

11 Не так-то просто было нам добраться до Сильвы Микаелян. Для этого пришлось проделать долгий путь, сперва по магистральному шоссе, затем по большаку и, наконец, по горным проселочным дорогам. Только через несколько часов мы приехали в маленькую деревушку Агин. Увидеть ту, ради кого мы ехали сюда, не удалось: главный врач сельского врачебного участка Сильва Микаелян еще вчера уехала с одной тяжело больной женщиной в Ереван! Как же быть? Нам помогли сослуживцы Сильвы. Беседуя с сотрудниками больницы, мы все яснее представляли себе облик молодого сельского врача. Вместе со своими товарищами по работе и колхозниками построила Сильва за полгода светлое здание больницы, в которой успешно работает вот уже пятый год. Она и живет тут, при больнице, всегда — в любой час дня и ночи — готовая отправиться к больному.

12 Зато другого сельского врача, Ашота Мирзояна, мы застали на месте. Впрочем, следует сказать точнее: Ашот уже сидел на мотоцикле и готов был к отъезду в далекую курдскую деревню. Опоздай мы с приездом на несколько минут — и пришлось бы нам ограничиться беседой с его женой Шогик, вторым врачом сельской больницы.

Как нам рассказал Ашот, он уроженец этих мест, и, кроме него, из семьи Мирзоян вышли еще три врача. Для колхозников одного из районов плодородной Араратской долины фамилия Мирзоян — синоним слова «доктор».

13 Женщина в туркменском национальном костюме, изображенная на этой фотографии (слева),— Гоар Барсегян. Она уже четыре года работает в Туркмении главным врачом больницы высокогорной деревни Чаршангу. О Гоар и ее муже, геологе, нам рассказали ее родители.

14-15-16 Они всегда сидели в институте рядом, три подруги, три комсомолки — Анджела Агамерян, Мариета Саркисян и Лилик Нахашнарян. И вот они снова рядом перед нами.

Анджела и Мариета уже с первого курса твердо, без колебаний решили избрать из многих путей медицины один путь — акушерство. Они вместе проходили субординатуру у профессора института Ашота Моисеевича Агаронова.

Третья их приятельница — Лилик Нахашкарян. Она избрала себе другой путь и работает с огромным увлечением в ереванском туберкулезном диспансере.

17 Этой фотографией мы выполняем обещание, данное Элеоноре Барсегян. С прошлого года Элеонора занимается с второкурсниками. И вот снова, как в 1950 году, перед нами тот же сюжет — студенты и подопытная собака. Только занятия ведет теперь та, которая девять лет назад сама сидела на студенческой скамье. Где-то мы застанем этих будущих врачей, если через несколько лет снова вернемся в Армению?

Эдгар Вельбри в мастерской.

Гостиная в доме Э. Вельбри.

„Я САМ ДЕЛАЮ КРАСОТУ"

Н. ХРАБРОВА

Фото С. Розенфельда.

В строительстве домов и в обстановке комнат у эстонцев есть свои традиции. Они переходят из поколения в поколение, модернизируются, обогащаются.

Откуда эти традиции?

У их колыбели стояла скромная муза с льняными волосами, в домотканой юбке, с резною прялкою в руке — муза по имени «народное творчество». Архитекторы пригляделись к постройке домов, к оформлению опорных столбов, к старинной отделке дверей, заборов и калиток. И увидели, что, как и у каждого народа, богато и своеобразно эстонское народное творчество, что современный дом или интерьер, украшенный по народным мотивам, не станет от этого менее удобным, но более красивым станет обязательно.

Вот дом в таллинском пригороде Нымме, на улице Вабадусе, 127. Три десятка лет назад его начал строить студент Эдгар Вельбри. Студент — и вдруг строит дом? А студент был сыном и внуком плотников и сам учился на архитектора. Собственный будущий дом он создавал скорее не как крышу над головой, а как дипломную работу, темой которой было: «Применение эстонских народных методов строительства в современном доме».

Своими руками сложил студент фундамент, стены, навел крышу. Став уже архитектором, отделал интерьеры, обставил дом собственноручно сделанной мебелью. Позднее появились беседки в саду, а совсем недавно — гараж.

Все здесь сделано по схеме старинного эстонского дома. И в то же время это один из самых модных, по-современному обставленных домов в Эстонии.

Значительную часть нижнего этажа занимает «элутуба» — большая жилая комната: это и кабинет, и столовая, и гостиная. Кабинет — письменный стол хозяина и библиотека — у окна. Чтобы попасть в столовую, надо шагнуть одной ступенькой выше. Гостиная разместилась в выступе-террасе, из которой широкая застекленная дверь ведет прямо в сад. Небольшие спальни и комнаты детей расположены в мезонине под крышей.

В доме есть и маленькая мастерская, где хозяин — теперь один из лучших специалистов по мебели — создает свои образцы.

— Что же здесь удивительного? — скажет читатель.— Архитектор, да еще и специалист по мебели, конечно, может построить хороший дом.

Но вот рядом, на этой же улице, строит дом рабочий одного из таллинских промкомбинатов, инвалид Отечественной войны Аугуст Кууськюль. В его доме более современная кладка стен, более удобная планировка комнат. По примеру своего соседа Кууськюль тоже сам отделывает дом, своими руками мастерит мебель, современную по конструкции, но с национальной эстонской резьбой. Красиво и своеобразно!

Поселок совхоза «Карьякюла».

Идея Эдгара Вельбри — украшать современные жилища стилизованными старинными народными методами — давно перебралась с улицы Вабадусе на другие улицы, в другие города и села республики.

Но так построить может только мастер, человек с плотницким талантом. Вообще же в Эстонии больше строят простые, без художественных украшений дома.

Недалеко от старинного деревянного городка Кейла несколько лет назад появился каменный, новенький — с иголочки! — поселок звероводческого совхоза «Карьякюла».

На улицах Карьякюла свежо и смолисто пахнет хвоей: поселок построен в сосновом лесу. Здания тут — словно наглядные пособия для желающих исследовать развитие жилищного строительства в нашей стране. Вот улица совершенно одинаковых, «в строчку» поставленных стандартных домов: это первая улица поселка; год рождения ее — 1950-й. Рядом коттеджи, тоже одного типа, но поставленные более живописно — то фасадом, то торцом к улице, то ближе к тротуару, то дальше от него. Здесь уже чувствуются старания строителей оживить общую планировку. Но лучше всего последние девять домов. Это двухквартирные, отделанные по методу «чистой фуги» коттеджи.

«Чистая фуга»? Уж не применили ли строители на кладке стен методику творца фуг — Иоганна Себастьяна Баха?

Почти! Оказывается, музыкальные слова «чистая фуга» очень подходят и к архитектуре: методом «чистой фуги» здесь называют чистую кладку стен, аккуратный связующий шов между кирпичами. Такая кладка уже сама по себе — отделка, она не нуждается ни в штукатурке, ни в окраске. «Чистая фуга» — экономно, практично и по-современному красиво.

Эти коттеджи прораб Яан Тамбет — руководитель совхозных строительных бригад — синтезировал из нескольких проектов, выбрав самое удобное и разумное.

В Таллине, в проектном институте «Эстсельхозпроект», начальник отдела колхозного строительства Адольф Мартынович Кяспер рассказывал:

— Строят у нас немало. Либо уже совсем построены, либо заканчиваются поселки при всех почти совхозах; начинается и строительство новых колхозных центров: невозможно жить людям при колхозном строе порознь, на хуторах. В проектах недостатка у нас нет, над ними работают хорошие архитекторы, люди с большим вкусом: Харри Кинго, Энн Каар, Манивальд Ноор, Борис Миров, Ингрид Марди, супруги Алас — Урве и Оттомар. Вот наши сборники.— И Адольф Мартынович показывает «Проекты колхозных жилых домов», «Фотокаталог проектов индивидуальных жилых домов», «Каталог фотопроектов жилых домов для колхозников».

Кроме этих сборников, «Эстсельхозпроект» издал еще серию типовых проектов одноквартирных, двухквартирных и четырехквартирных домов. Вышли брошюры-проекты индивидуальных домов. Эти брошюры за несколько рублей можно купить в магазинах книготорга или получить через «Книга — почтой».

Хорошо, когда много хороших проектов. Они развивают вкус, учат красиво и экономно строить.

Но поставить стены еще не значит построить дом! Домом стены станут тогда, когда в них поселится уют. И думать об уюте, сразу планировать его вместе с домом — это тоже хорошая эстонская традиция в строительстве.

Уют — дело женских рук.

В Эстонии женщинам помогают художники. В начале нынешнего века художники Кристьян Рауд и Антс Лайкма основали в Тарту этнографический народный музей. Уже много лет эстонские художники по мотивам его экспонатов — национальных тканей, утвари, произведений народного искусства — создают художественные, доступные населению современные предметы быта: посуду, мебель, декоративный текстиль, керамику.

Так родилось эстонское прикладное искусство. Кристьян Рауд сразу сумел вынести это искусство из мастерских художников и в городские квартиры и в деревенские дома.

Само собой разумеется, что культура быта прививалась в богатых хуторах: до нее ли было батракам и поденщикам, не имевшим собственного угла!

Теперь современные эстонские художники создают в республике новую, социалистическую эстетику быта трудового народа.

Перед нами три номера журнала «Искусство и домашний быт», выпущенные издательством Союза художников ЭССР «Искусство». Этот журнал начал выходить в прошлом году; теперь он будет печататься на эстонском и на русском языках.

Эпиграфом к редакционной статье, открывающей первый номер, авторы взяли строчку из народной песни: «Я сам делаю красоту». Эта строчка и раскрывает цель и задачи журнала: в нем рекомендуются такие вещи домашнего обихода, которые можно сделать самим.

Теперь, когда в нашей стране настало время большого жилищного строительства, художники — мастера прикладного искусства — должны взять в свои руки все, что связано с культурой быта. И сколько прекрасного они обнаружат, если обратятся к неиссякаемому источнику вдохновения — народному творчеству!

Балет «Ромео и Джульетта». Джульетта — народная артистка СССР Г. Уланова.

Фото Е. УМНОВА.

„Камен

НА СНИМКАХ СЛЕВА:

Вверху: Хозяйка Медной горы — народная артистка РСФСР М. Плисецкая, Данила — Н. Фадеечев.

Внизу: Катерина — М. Кондратьева.

Сцен

ый цветок"

з 2-го акта.

НА СНИМКАХ СПРАВА:

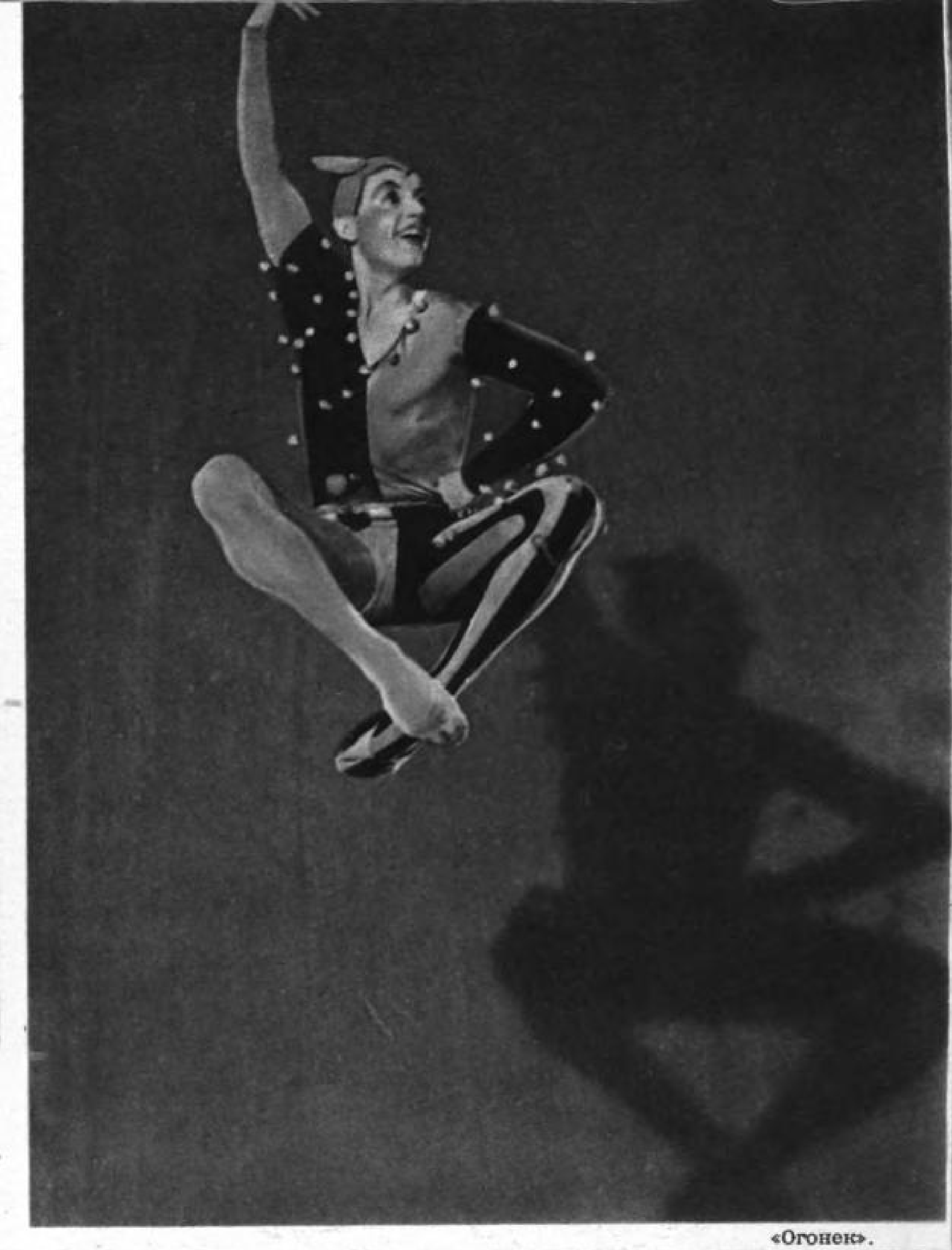
Вверху: Хозяйка Медной горы — Н. Тимофеева, Северьян — В. Левашев.

Внизу: Цыганский танец. Исполняет Я. Сех.

Балет «Жизель». Жизель — народная артистка РСФСР Р. Стручкова.

Танец шута из балета «Лебединое озеро». Исполняет Г. Соловьев.

«Лебединое озеро». Сцена из 2-го акта.

«Огонек».

КАМЕННЫЙ ЦВЕТОК

Мрачный, словно заколдованный лес. Темные, сомкнувшиеся кроны деревьев, нагромождение камней... Почти сливаясь с тускло мерцающими вкрапинами драгоценных пород, приникла к камню тонкая фигурка. Кажется, что это гибкая зеленая ящерица застыла в настороженном ожидании. Но вот едва заметный поворот, прыжок... Легкий женский силуэт мелькнул между деревьями. Быстрые, змеиные движения, причудливый изгиб тела — и сказочное видение внезапно растворилось в темноте.

Еще несколько минут — и перед нами уже величественная Царица гор в тяжелом сверкающем одеянии. А немного спустя — таинственная красавица, всевластная Хозяйка Медной горы, сказочная Малахитница.

Как в чудесных сказах Бажова, появляются перед нами на сцене в балете «Каменный цветок» все герои: молодой мастер Данила, страстно мечтающий узнать и показать людям «полную силу камня», его невеста — верная, любящая Катерина, злобный приказчик Северьян со своей шайкой «обережных», шаловливая Огневушка-Поскакушка.

— «Каменный цветок»,— рассказывал о своем замысле композитор С. Прокофьев,— это балет о радости творческого труда на благо народа, о духовной красоте русского человека.

Светлая, поэтичная музыка, насыщенная народными мелодиями, раскрывает замысел композитора. Одинаково пленительны обе темы Данилы: одна передает вечные поиски художника, раздумья и искания, другая — воплощение радости творчества. Музыкальная тема Катерины очень русская, лирическая, проникновенная. Перед силой ее чувства отступает даже Хозяйка Медной горы, возвращающая девушке жениха.

В образе Хозяйки композитор оттеняет могущество, таинственную власть природы.

И в музыке и в спектакле тесно переплетается фантастическое и реальное. Постановщик спектакля Ю. Григорович насытил классический танец, на котором построен балет, элементами народного танца, в одних случаях подчеркивая характерность, в других — прибегая к гротеску.

Танец Данилы (исполнители Н. Фадеечев и В. Васильев) выражает то страстный порыв, то завороженность. Танцевальную партию Хозяйки характеризует острота пластического рисунка, изломанные движения, оттеняющие фантастичность образа и в то же время соответствующие внешнему облику быстрой, увертливой ящерки. Великолепна в этой роли М. Плисецкая, блеснувшая одновременно и виртуозной техникой и большой артистичностью. В своих пленительных танцах она рисует противоречивый облик фантастической Хозяйки, а показывая ее в земных сценах и адажио с Данилой, покоряет зрителей законченностью и строгостью классической формы. Очень хороша в этой партии и вторая исполнительница, Н. Тимофеева.

Вся воплощение любви и верности — Катерина (артистки М. Кондратьева и совсем еще юная Е. Максимова). Необычайно красива партия Катерины, естественны и грациозны переходы от классических танцевальных фигур к движениям народного танца, то плавного, мечтательного, то задорно-веселого. Но вот она вступает в фантастический мир. Из костра, над которым девушка греет руки, вдруг выскакивает сказочное существо — Огневушка-Поскакушка. Кажется ожившим лепестком пламени эта рыжеволосая девчушка, озорная, лукавая (артистка И. Зотова).

А фон спектакля — поэтичнейшая сцена помолвки, буйное веселье ярмарки, с безудержной русской пляской и разгулом цыган, приведенных пьяным Северьяном (артист В. Левашев). В сказочных эпизодах пленяют танцы драгоценных камней, составляющих причудливые фантастические группы...

Успех композитора и балетмейстера разделяет художник спектакля С. Вирсаладзе. Образно, в виде громадной малахитовой шкатулки, находящейся в глубине, решено декоративное оформление сцены, полностью освобожденной для танцев. А в самой «шкатулке» удивительно хороши, по-настоящему сказочны декорации: таинственная Змеиная горка, сверкание ярких кристаллов в царстве Хозяйки, праздничное ликование красок в сцене ярмарки. Тонко подобраны цветовые гаммы костюмов — зеленые, аметистовые, золотые оттенки самоцветов, темные с золотом одежды цыган, пурпурно-красные блики в ярмарочной толпе, желтые сарафаны девушек на темно-зеленом фоне в заключительной картине.

От начала до конца танцевальный, поэтичный, глубокий по мысли и чувствам балет «Каменный цветок» — радующая победа его создателей, творческого коллектива Большого театра. Этот балет заслуженно вошел в репертуар гастролей Большого театра, проходящих сейчас в Америке.

Н. КАЛИТИН

Сцена из балета «Каменный цветок». В роли Катерины — Е. Максимова, Данила — В. Васильев.

Фото Е. Умнова.

Махиваль—артист В. Саратовский. Сонни — артистка О. Петрова.

Фото А. Гладштейна.

Дорогой подарок

История подарка, о котором мы хотим рассказать, не столь древняя, как легенда о Сонни и Махивале — индийских Ромео и Джульетте. Началась она, эта история, пожалуй, со дня основания цыганского театра «Ромэн». Его тогда называли «Индо-ромэнская студия», так как цыгане считают себя выходцами из Индии. И вот еще в то время зародилась у артистов мечта о постановке индийской пьесы.

В 1954 году гостившие в Москве кинематографисты Индии побывали в театре «Ромэн». Хозяева рассказали гостям о своей давней мечте.

Индийского драматурга Балванта Гарги, присутствовавшего на встрече, это взволновало. И два года спустя театр получил от него специально написанную пьесу «Сонни и Махиваль».

Старинная легенда о двух любящих и верных сердцах понравилась актерам. Началась работа над созданием спектакля. Возникла мысль: «А не обратиться ли за помощью к индийцам, живущим и работающим сейчас в Москве?»

Так и сделали. И консультанты пришли в театр...

Рой Биной Кришна сочинил музыку для спектакля. Она была потом обработана Б. Смоляковым и С. Бугачевским.

Текст песен, исполняемых актерами на языке хинди, написал Маденлал Мадху. Он и Биной научили цыган произношению и манере исполнения.

Поэт, драматург и танцовщик, Гудутхури Канака Сурьям показал народные индийские танцы. Сурьям не говорил по-русски, но переводчик не потребовался. Язык танца был близок актерам и особенно артистке балета Большого театра (балетмейстеру спектакля) В. Бочаровой, которая обучалась искусству индийского танца в Мадрасе.

Ставил спектакль главный режиссер театра С. Баркан, оформлял художник М. Чиковани. У них также было много консультантов: пенджабские театральные деятели — супруги Вишам и Шила Сахни, ситаристка Протима Каур (Бенгалия), доктор Шукла из Уттар-Прадеша, работники индийского посольства — Ахуджа и Чаудари...

Автор не присутствовал на репетициях: его в это время не было в Москве. Но от него приходили пластинки с записями индийских песен и музыки. В письмах автор всякий раз спрашивал, что от него требуется. «Пишите мне, я все для вас сделаю».

И вот спектакль.

...Играет музыка, звучит песня, оживают герои древней легенды, воскресает история поэтичной и трогательной любви дочери горшечника Ашан (Сонни, как ее называют в народе, что значит «красивая») к чужеземцу Мирзе — пастуху, Махивалю. Какие бы препятствия ни встретились на их пути, ничто их не разлучит, даже смерть.

Участник Ташкентской конференции писателей стран Азии и Африки Яшпал побывал в театре «Ромэн». «Когда мы сидели в зале,— замечает он,—то нам казалось, что мы перенеслись в далекий родной Пенджаб».

Недавно исполнительница роли Сонни актриса театра «Ромэн» Ольга Петрова получила в подарок от Балванта Гарги ковер и пенджабскую шаль. Автор горячо благодарит театр за удачную постановку его пьесы.

Л. КУРБАТОВА

Рождение картины

Чаще всего в мастерской художника бывают голуби и писатели... Голуби свили себе гнезда над балконом девятого этажа на улице Горького: выше негде. А писатели — это главные герои всего творчества А. Н. Яр-Кравченко.

Фадеев и Гладков, Сейфуллина и Павленко, Леонов и Вс. Иванов, Маршак и Сурков, Панферов и Луговской, Катаев и Никулин и многие другие писатели приходили сюда, да так и остались здесь. Не сами, конечно, а их изображения маслом, карандашом, углем...

Сейчас А. Н. Яр-Кравченко совместно с художником А. П. Зарубиным заканчивает картину, которая была задумана много лет назад. Эта картина — большой групповой портрет советских писателей.

В один из октябрьских вечеров 1932 года у Алексея Максимовича Горького собрались писатели, поэты, литературоведы — более сорока человек. За окном синие сумерки, яркие огни Москвы... Идейным и композиционным центром картины является Горький. К нему обращены взоры всех присутствующих. Кажется, в этот момент он произносит слова об ответственности писателя, словотворца, инженера человеческих душ.

Работа над этой картиной — огромный труд. Ведь жанр группового портрета — наиболее сложный жанр в изобразительном искусстве. Но художника выручает его огромный, более чем двадцатилетний опыт работы над портретами советских писателей. Многих Яр-Кравченко писал и рисовал по нескольку раз, получив благодаря этому возможность изучить людей, их характеры и привычки. Материал, которым он располагает, поистине богатейший!

Яр-Кравченко не только живописец, но и график, меткий и искусный рисовальщик. Недаром К. Федин назвал Яр-Кравченко «снайпером сходства»...

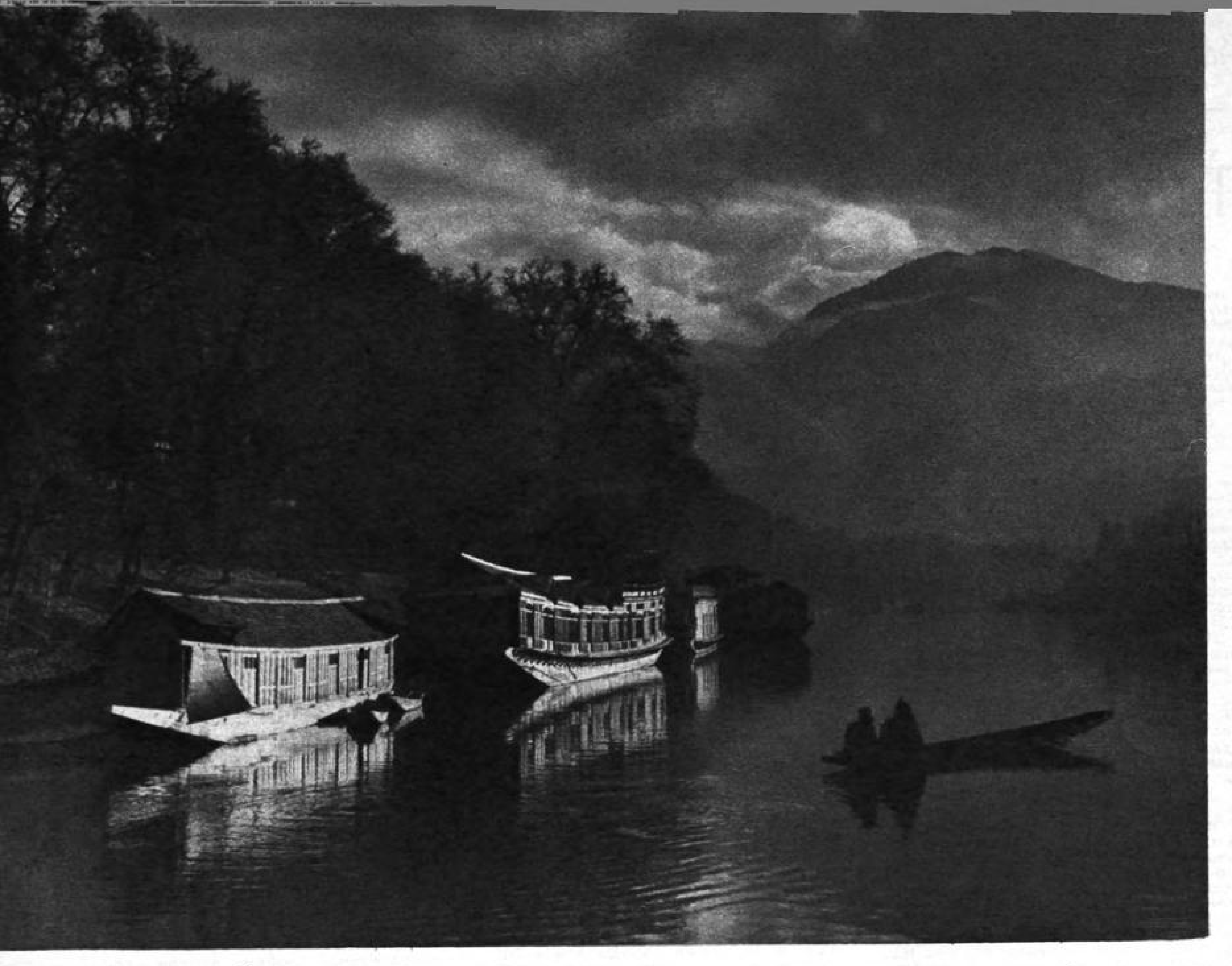
Работа над портретом спорится. Еще бы, ведь времени до открытия выставки «Советская Россия», на которой будет показана новая картина, осталось совсем немного.

А. ВАСИЛЬЕВА

Художник А. Н. Яр-Кравченко в своей мастерской.

Фото О. Кнорринга.

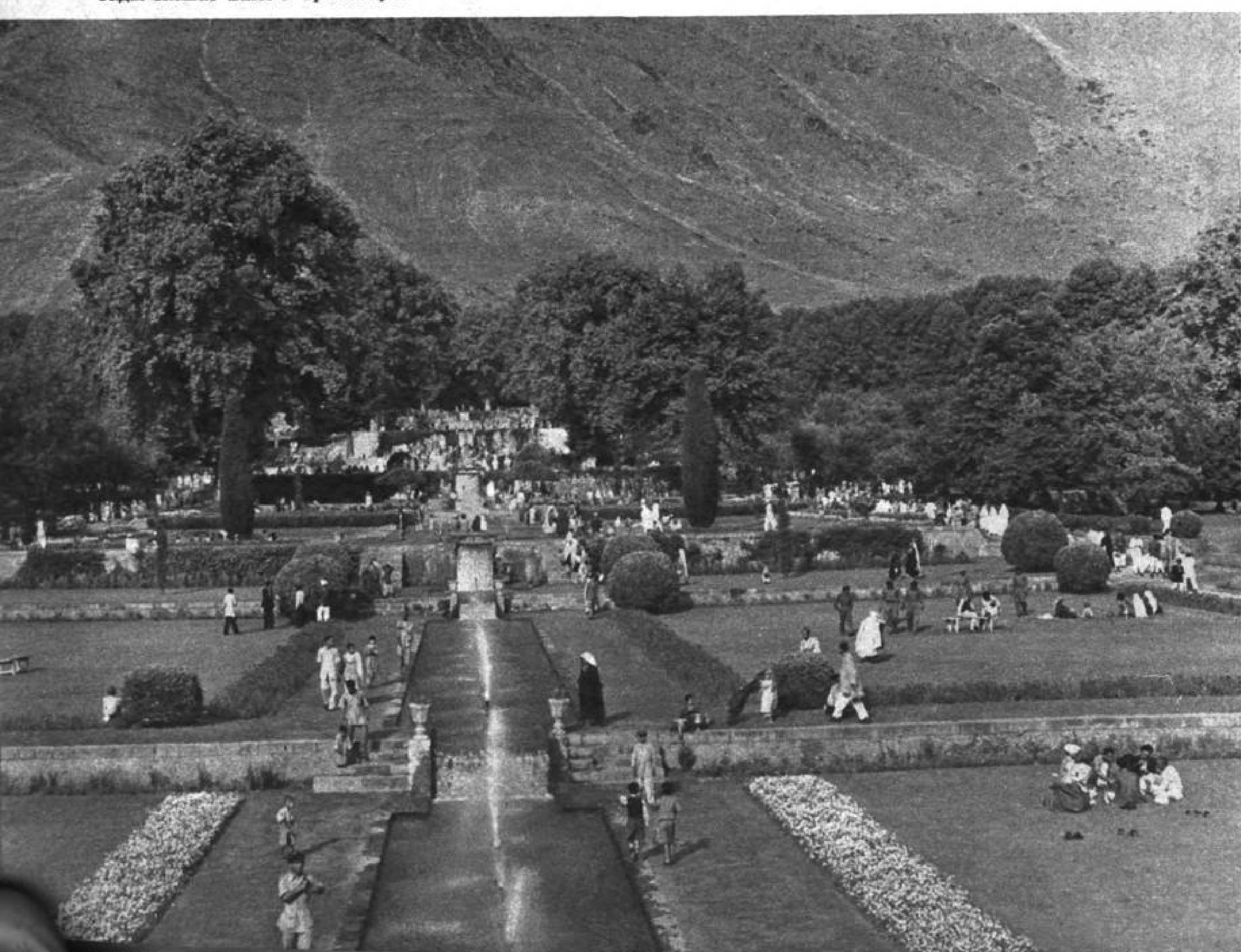

Утро на реке Джелам.

ВЕНЕЦИЯ ВОСТОКА

Сады Нишат Багх в Сринагаре.

Н. ПАСТУХОВ

С делийского аэродрома Сафдарджанг двухмоторная «Дакота» берет курс на север. Внизу стремительно проносятся плодородные земли Пенджаба — страны пяти рек, ниспадающих с Гималайских гор и несущих жизнь индийскому землепашцу.

Проходит всего лишь час, и самолет уже на подходах к подножию Гималаев, начинающихся в районе Джамму. Здесь он снова, напрягаясь изо всех сил, набирает высоту.

Внизу родные русскому глазу игольчатые ветви сосен. Они окаймляют Банихалский проход — главные горные ворота в Кашмирскую долину. Перед взором открывается изумительная по своей красоте долина, воспетая поэтами Индии, Персии, Узбекистана, Туркмении, Таджикистана.

Сринагарский базар в старой части города.

Кашмирская долина отрезана от всего мира хребтами самых высоких в мире Гималайских гор. Надетые на пики Гималаев вечные ледяные шапки искрятся в лучах тропического солнца. Когда смотришь на эти вершины, невольно охватывает волнение: ведь за ними Родина. Кажется, что порывы ветра, дующего с гор, доносят ее ласковое дыхание...

В центре долины расположилась столица Кашмира — Сринагар. Улицы города пересекаются каналами реки Джелам и озера Дал, и недаром город называют «Венецией Востока». По берегам каналов выстроились деревянные бараки-дома, а вдоль берегов движутся шикары (лодки), нагружен-

ные фруктами и овощами или перевозящие туристов и просто пассажиров.

Сринагар — город древних памятников, мечетей, дворцов Великих Моголов, утопающий в зелени тополей, чинар, кедра, рододендрона и пышных, ярких цветов; город прославленных на весь мир кустарей — резчиков по дереву и серебру, создателей тончайших ковров и чарующих вышивок, талантливых художников, расписывающих изящные изделия из папье-маше.

Путешествуя по городам Кашмира, можно убедиться, что здесь почти отсутствует промышленность. Колонизаторы умышленно в течение веков тормозили развитие района Джамму и Кашмира, сохранив там уродливую, отсталую, средневековую экономику.

До сих пор северный штат Индии зависит от ввоза потребительских товаров, даже таких, как спички, мыло, обувь, ткани. Доставка промышленных изделий в Кашмир — дело очень сложное, ибо Сринагар не связан с остальной Индией ни железнодорожным, ни водным транспортом. Работает только авиалиния, но лишь в ясную погоду, и автострада Дели — Сринагар, отрезок которой в 300 с лишним километров пролегает через крутые склоны Гималаев, достигая на отдельных участках заоблачных высот.

На обратном пути я проехал эту дорогу на автомашине. Должен засвидетельствовать, что сквозь облака гораздо приятнее двигаться на самолете, нежели на автомобиле. С отвесных скал обрушиваются вниз гигантские водопады, облака так густо окутывают машину, что нельзя различить предметов на расстоянии вытянутой руки. А транспорты — целые автопоезда — движутся и движутся в обоих направлениях. Недавно построенный Банихалский тоннель — один из длиннейших в мире — облегчает это движение.

Более 80 процентов населения связано с сельским хозяйством. Кашмир — поставщик фруктов, овощей, ценных пород леса. После освобождения Кашмира от колониальной зависимости местное правительство провело аграрную реформу, установившую максимальный размер индивидуальных земельных угодий — не более девяти гектаров. Излишки изымались у помещиков без выплаты компенсации. Кроме того, власти Кашмира всячески поощряют создание сельских кооперативных ассоциаций.

Богата культура Кашмира. Она традиционно была связана с культурой народов Средней Азии. Фархад и Ширин, Лейли и Меджнун, герои азербайджанского поэта Низами стали героями кашмирского фольклора. Много лет назад до английского вторжения кашмирцы были частыми гостями России. Хкваджа Абдул Карим доходил до Балаклавы, кашмирский правитель Зайн-ул-Абедин бывал в Самарканде.

В Сринагарском колледже я познакомился с профессором истории Хасаном Шахом. Высокий, худощавый, с тонкими чертами лица, профессор говорил медленно и мягким голосом. И когда он касался любимой темы своих исследований, его речь становилась страстной, а глаза горели юношеским задором. Главная научная тема, которой он посвятил почти всю свою жизнь, — связи Кашмира со Средней Азией.

Хасан Шах подробно рассказал мне о великом сыне таджикского народа Саеде Али Хамнани, оставившем глубокий след в истории Кашмира. Он прибыл в Сринагар в XIV веке. Его сопровождала большая свита и обоз с семенами неизвестных здесь азиатских злаков, книгами, музыкальными инструментами, одеждой, предметами утвари и обихода. Хамнани и его свита не имели с собой оружия. Кашмирцы тепло приняли Хамнани, сделали его своим правителем и многому от него научились. Хамнани построил в Сринагаре мечеть Кханках-и-Моала, которая до сих пор хранится как памятник Хамнани. Хамнани перед смертью вернулся к себе на родину, в Таджикистан, где он и похоронен.

При внимательном знакомстве с жизнью и бытом Кашмира легко можно обнаружить глубокие следы этих древних связей. Одежда кашмирских женщин, в частности наряд «пхеран», напоминает одежду женщин Узбекистана и Таджикистана. Самовар под тем же названием широко бытует в Кашмире. Музыкальные инструменты «рубаб» и «сантур» вы можете услышать не только в Кашмире, но и в азиатских республиках Советского Союза.

Кашмирцы питают чувства большой любви и симпатии к советским людям. В Кашмире с восторгом рассказывают о встречах с Никитой Сергеевичем Хрущевым.

С большой теплотой кашмирцы вспоминают и совсем недавних гостей из Советского Союза — правительственную делегацию в составе А. А. Андреева, Н. А. Мухитдинова и других, посетивших древнюю кашмирскую землю в марте этого года.

...У мощного Пахальгамского водопада — на известном кашмирском курорте — стоит, прижавшись к скале, бревенчатый домик — дача премьер-министра Кашмира Гуляма Мохаммеда Бахши. Он любезно пригласил меня провести там воскресный день.

На многие часы затягивались наши беседы. Он расспрашивал меня до мельчайших подробностей о жизни в Советском Союзе, о труде советских людей, об их выдающихся достижениях в науке, технике, культуре. И когда я ему рассказывал, он устремлял свой взор на вершины гор, покрытых снегом. Показав рукой на горы, он сказал:

— Там ваша родина. Она близка нам и по расстоянию и по духу. Я обязательно побываю в России!

С большой теплотой Гулям Бахши вспоминал свои дружественные встречи с Никитой Сергеевичем Хрущевым, с восхищением говорил о той благородной позиции, которую Советский Союз занимает в так называемом «кашмирском вопросе». И действительно, тот, кто побывал хоть раз в Кашмире и встречался с жителями этого живописного уголка Северной Индии, тот сразу поймет, что в мире не существует никакой «кашмирской проблемы».

...Сринагарский лодочник Карым, узнав, что я русский, провел меня на реку Джелам и показал то место, где он, стоя в шикаре, приветствовал Никиту Сергеевича Хрущева.

— Он тоже, — с жаром говорил Карым, — меня заметил и помахал рукой, а потом сложил все пальцы обеих рук вместе. Я понял, что это означает: мы вместе!

Я с благодарностью пожал руку кашмирского друга: да, мы навеки вместе!

Город Сринагар.

Ритмично движется караван по кашмирской земле.

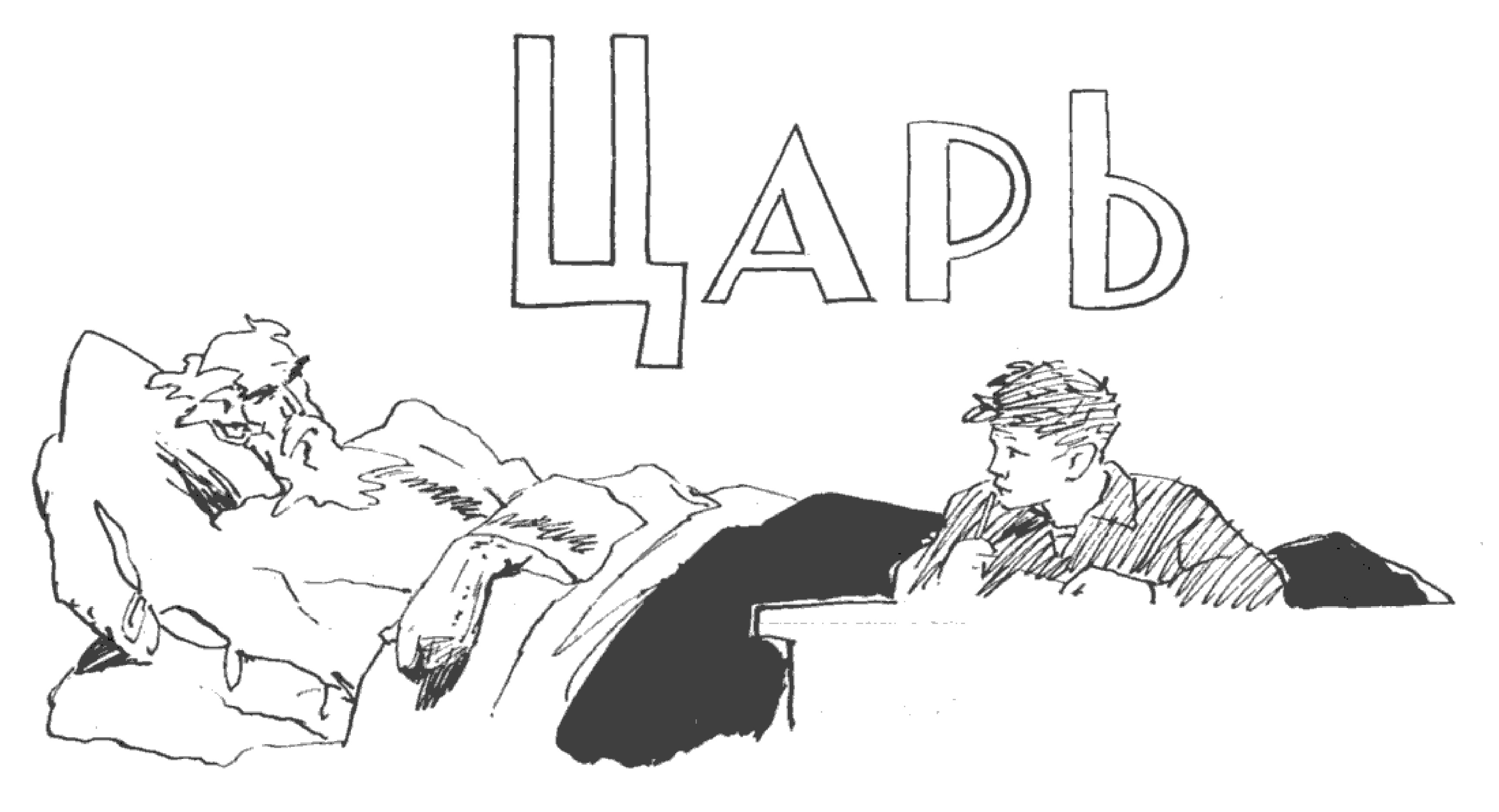

Одно из богатств Кашмира — шерсть.

Бесконечные рисовые поля, обрамленные горными хребтами,— это и есть Кашмирская долина.

Царь

Рассказ

Микола ЗАРУДНЫЙ

Рисунки Ю. КОРОВИНА.

Царь захворал. Уже два дня он лежал в своем доме на дубовой кровати — худой, длинный, в снежно-белой вышитой рубашке. Волосы прядью упали на подушку, свиваясь в кольца, седая борода рассыпалась по груди, и Царь был похож на святого. Он лежал с закрытыми глазами, тихо, словно прислушиваясь к заунывному завыванию ветра в дымовой трубе.

В столярной мастерской колхоза уже два дня пустовал в углу низенький пенек — «трон», на котором обычно сидел Царь. Он первым приходил сюда по утрам, как на службу, хоть ничего и не делал. Положив большие, мозолистые руки на колени, он окидывал взглядом мастерскую и встречал каждого теплой улыбкой...

Тут работали его ученики. Среди них были уже почтенные, усатые и совсем молодые, но всех их Царь называл хлопцами. Каждому из них он передал частицу своего столярного таланта. А Царь все умел делать: возводил мосты и заводы, мастерил легкие резные брички и хомуты...

Еще в прошлом году Царь не выпускал фуганка из рук; звенела пила, и его бригада в артели свершала чудеса. Клуб, стоящий в центре села, и школа, и светлые коровники — все это построил Царь. Вы бы только посмотрели на резные оконные рамы и двери, на дубовые панели в клубе — сразу почувствовали бы, что их делали не обыкновенные руки, а руки вдохновенного художника.

...И вот на третий день хлопцы, придя в мастерскую, увидели, что «трон» по-прежнему пустует. Все встревожились. Даже работалось как-то не так. Но надеялись: вот-вот придет. Прошел еще час, и Корней Чепига остановил станок, пальцем поманил Васька Стороженко.

— Ты вот что, Васько, сбегай к Царю, узнай и передай, значит, от меня.— Корней в газету отсыпал из своего кисета табак.

Очень любил Царь Корнеев табак. И впрямь табак у Корнея отличный: крепкий и медом пахнет.

Васько сбросил фартук, упрятал в карман табак и выбежал из мастерской.

* * *

Царь жил на окраине села, около кладбища. Лет десять назад эту хату возвела его бригада. Колхоз дал весь материал, а хлопцы построили. Каждый из них старался похвастаться перед бригадиром своим мастерством, и домик получился, как куколка,— небольшой, но такой приветливый!

Царь сам выбрал место — около кладбища, хотя председатель и просил поставить хату в центре села. А потом припомнили: тут, на кладбище, была похоронена жена Царя. В восемнадцатом году ее убили петлюровцы. Года через два вернулся Царь из своего партизанского отряда, целые сутки просидел у могилы своей Марины, посадил в головах тополь и уехал из села... Его не было долго, потом показался на полгода и вновь уехал. Так и бывал наездами.

В двадцать седьмом году он снова появился. Высокий, кудрявый, крепкий. Два дня гулял со своими друзьями, пел песни. Тянулись к нему люди, ночами просиживали, слушая рассказы Царя. Побывал он всюду: в Москве строил и в далеком Томске, в Харькове и в Ленинграде.

Мотря, вдова, у которой всегда останавливался Царь, рассказывала молодицам и божилась, что сама видела три газеты, в которых были пропечатаны портреты Царя и писалось о нем, как о лучшем ударнике. Но этих газет Царь никому не показывал.

Прошел месяц, и Царь опять собрался в дорогу: отточил пилу, топор, фуганок. Попросил коней в комитете бедноты, собрал полный воз сирот и поехал с ними в Яблоневку — в район. Вернулись вечером. Дети были все в новых ботиночках, штанишках и юбочках, их руки были липкие от конфет. От хаты до хаты ходил Царь: прощался с людьми.

— Посидел бы, Гнат, в селе, женился, хату поставили бы,— советовали люди.

— Нет, уеду. Рожденный я, чтобы строить. Сами знаете, с деда-прадеда мы мастеровые люди. Душа простора хочет, размаха...

— Едет куда-то социализм строить,— по секрету сообщила соседям Мотря, старательно выговаривая незнакомое слово.— Не знаю, где тот социализм, но, видно, стоящее дело, если за него сам Гнат берется.

— Весь род их такой непоседливый,— качали головами молодицы.— Недаром Цари.

* * *

Царем прозвали на селе еще отца Гната, Сидора Корча, известного мастера и балагура. Фантазия у Сидора действительно была неистощимая. В его руках фуганок и резец делали чудеса, но не меньшее удивление вызывали у людей истории, которые он с таким вкусом выдумывал. Сидор Корч никогда не сидел на месте — все по миру ездил и строил и сына Гната возил с собой. Гнали их из села в село не только горе и нищета, а какая-то любовь к созиданию.

— Что мне хату или клуню поставить? — говорил, бывало, Сидор.— Ты мне подавай дворец или мост, чтоб в веках стоял, чтоб люди знали, что жил здесь когда-то на земле мастер Сидор Корч!

Много историй рассказывал, возвращаясь в село, Сидор Корч. Он был человеком большой щедрости, наделял деньгами вдов и сирот и, выпив в корчме чарку, любил с людьми поговорить. В корчму всегда набивалось полно народа, чтобы послушать о далеких краях, где строил Корч, и о его приключениях. Приключений всегда было много у Сидора Корча. И даже самые невероятные он умел рассказывать так, что ему верили. Но особенно удивительной была история о том, как Сидор Корч у царя корону выиграл в карты. Ее рассказывал Корч охотно, каждый раз добавляя новые краски и детали.

— Значит, был я это в Питере,— начинал Сидор Корч.— Какой я мастер, вы сами знаете... Работал я на корабельном заводе. Однажды вызывает меня мастер и велит одеться в наилучшую одежду. Надел я хромовые сапоги, рубашку вышитую и появился. Тут меня подхватили три барина и повезли. И приезжаем мы в Царское Село. Привели меня во дворец, показали огромнейший сад и говорят: «Нужно, господин Сидор Корч, для царя две беседки в парке поставить и чтоб резьба была по дереву первейшая». Нужно так нужно. Полгода я вырезывал разные крендели в тех беседках. Деньги давали, харч тоже, жить можно было. Ну, а когда закончил, то пришли какие-то министры, осмотрели, покачали головами и ушли.

На другой день утром иду я к тем беседкам, чтоб струмент забрать, как вдруг смотрю: царь! Сидит один, карты раскладывает — гадает, значит. Увидел меня, спрашивает, кто я и по какому делу пришел. Ответил я. Он похвалил мою работу и говорит: «Садись, в карты сыграем». Ну, думаю, раз царь просит, то нужно. Начали мы играть в подкидного дурака на интерес. Здорово царь в карты играл, а мне карта поганая шла. Выиграл у меня царь весь мой струмент, сапоги и рубашку. И сижу

я перед его величеством почти голый. Ну, а потом мне повезло: отыграл я свое добро и три дурака дал государю... Разозлился царь и говорит: «Последний раз играем. Если выиграешь, что хочешь бери, а проиграешь — в тюрьму посажу». Гляжу, царь живот крестит, перекрестился и я. Начали. Не успел царь и передохнуть, как я ему дурня влепил. Встал царь и хлопает глазами. «Что хочешь?» — спрашивает.

Посмотрел я на государя, а у него на голове корона...

И в этом месте всегда слушатели перебивали Корча:

— Да царь же корону только на праздники надевает, чего же он в ней в будни в карты играл?

— В тот день захотелось ему надеть, — неизменно объяснял Корч. — «...Дайте мне вашу корону», — сказал я царю. Жаль царю с ней расставаться, но не может уговор нарушить. Он дал мне корону, я ее упрятал в мешок и ушел. Только вышел за ворота, как набросятся на меня жандармы и... отобрали: потому нет короны — нет и царя...

И очень, видно, хотелось людям, чтоб Сидор Корч корону царскую забрал, так как сочувствовали ему и, зная, что это байка, верили старому мастеру. А Сидора Корча так и прозвали — Царем. А если отца назвали, то и к сыну пристала эта кличка...

* * *

Но не поехал тогда Гнат Корч «строить социализм». На рассвете убили кулаки председателя комитета незаможных селян Федора Добродея. Узнал об этом Гнат и сказал:

— Пока кулачье не уничтожу — не уйду из села.

Три года пробыл в селе Гнат Корч, а когда пришел в артель первый трактор и заколосилась колхозная нива, не выдержал, отпросился в районе, взял свои инструменты и уехал, как сказал Мотре, на первую пятилетку.

Поехал на первую, а задержался и на вторую. Видели Гната Царя и на строительстве Днепрогэса, и в Челябинске, и в Сибири. Возводил Гнат заводы и электростанции, строил мосты и прокладывал железные дороги в тайге.

Перед войной прибыл в село на год. Думала Мотря, что он с большим богатством приехал, а у него только инструменты и чемоданчик с бельем... Не за богатством ездил Царь. На дне чемодана (видела Мотря) лежали орден и топор, пожелтевшие вырезки из газет, где писалось о славном мастере Корче и о делах его. Обыкновенный новый топор, очень блестящий, с надписью на жести, прибитой к топорищу: «Лучшему ударнику первой пятилетки от строителей Уральского металлургического комбината». Вот и все богатства.

И в селе не сидел сложа руки Гнат Царь. Организовал бригаду и принялся строить. Школу поставили, новую мельницу, а больше не успели: началась война...

Гнат Корч явился в военкомат, но его не взяли в армию: годы не те, уже было за пятьдесят. И поехал Царь на восток. И хорошо еще послужили людям его руки! Он строил заводы в заснеженных лесах Сибири, сплавлял лес по быстрым рекам. А после войны вернулся в село. Работы было много: все лежало в руинах и пепелище. И Царь засучил рукава...

И вот уже прошел год, как Гнат Корч не брал топора в руки. Не стало сил в жилистых красивых его руках. Где она, его сила, когда-то богатырская, не развеял ли он ее напрасно по миру? Нет, не развеял! Легла в фундаменты заводов сила его, воплотилась в светлые дома и звонкие мосты...

Колхоз всем обеспечил Царя, жил он в полном достатке, но это не радовало его. И, может, только теперь он жалел, что не женился вторично, что нет у него ни сыновей, ни внуков... А может, и не жалел, что одной остался верным на всю жизнь.

Каждое утро он вставал и шел в мастерскую: он не мог жить без людей, без работы. Он смотрел, как работают другие, сидя на пеньке-«троне», и это было для него радостью.

И вот уже два дня он лежал одиноко в своей хате. На стене, на коврике, висел блестящий топор — подарок, и, глядя на него, Царь вспоминал свою долгую жизнь.

...Дверь была не заперта, и Васько вошел, не потревожив старика. В хате было чисто и тихо. Даже ходики остановились: некому было подтянуть гирю. У постели стояли большие сапоги Царя с порыжевшими передками.

— Это я, дедушка, — сказал Васько, подходя к кровати. — Вы заболели?

Царь открыл глаза.

— Помирать буду, — сказал он, и Васько удивился, как спокойно произнес Царь эти страшные слова.

— Что вы, дедушка! Мы сейчас доктора позовем... — И Васько бросился из хаты, но Царь остановил его.

— Бери из ящика тетрадь и пиши, — произнес Гнат.

Васько мигом достал тетрадь, взял ручку и вопрошающе посмотрел на деда.

— Пиши! — С неимоверным усилием Гнат Сидорович повернулся на бок и стал диктовать: — «Ребята мои, сыны мои дорогие, пришел, видать, мой смертный час. Жалею очень, что и не увидел вас и дела ваши... Вы и дальше стройте, сынов растите, к ремеслу приучайте, чтоб слава наша жила вечно... Гнат Корч».

— Кому это? — спросил Васько.

— А теперь перепиши это на двенадцати листках, Васько, и разошли по тем адресам, что за портретом лежат. Пускай эти слова дойдут до тех, кого я когда-то учил.

Васько достал из-за портрета книжечку, в ней были записаны адреса.

— «В. Д. Потапов, директор Уральского металлургического завода; Н. В. Терещенко, бригадир, Куйбышевская ГЭС, — читал Васько. — И. И. Смоляров, Ленинград, Невский, 117, кв. 4...»

— Петру Сторожеву пошли, Васько, в Сибирь...

Васько переписал и выбежал из хаты.

Через час в хате Царя было полно людей. Опустела мастерская. Все пришли к Гнату Сидоровичу. Приехал с поля председатель колхоза; молодицы понанесли столько сметаны, меду, кур, калачей, будто готовилась свадьба. Как ни уговаривал доктор, чтоб порасходились люди, никто не слушал. Правда, вышли из комнаты, но толпились в кухне, в сенях, на дворе.

— Царь умирает! — из уст в уста передавалось на селе.

И люди шли и шли, чтоб оказать почтение старому мастеру за все, что он сделал хорошего им и на земле.

— Сердце больное у Царя, — шепотом сообщали те, кто был ближе в комнате к врачу.

Двое суток не выходил врач из хаты Корча. Привезли профессора из города. Тот осмотрел, прописал лекарства и сказал, что выживет Гнат.

И действительно, через неделю Корч оправился. Правда, еще не выходил из хаты, но попросил есть и вел долгие разговоры с Васьком, которого отпустили с работы, чтобы ухаживать за дедом.

И почтальон не обходил хату Корча. Со всех концов приходили письма, телеграммы. Ученики Корча справлялись о здоровье старого мастера, спрашивали, чем помочь. И было в этих письмах столько тепла и сердечности, что Васько, читая их деду, думал: «Должно быть, очень большой человек Гнат Сидорович, если его вся страна знает...»

Несколько вечеров подряд читал деду газеты, в которых писалось о том, что решил Двадцать первый съезд партии. Васько читал выразительно, как на уроке, хоть и не все понимал в свои пятнадцать лет. Но, глядя, как воспринимает дед каждую строчку, каждую цифру, он чувствовал, что читает что-то необыкновенное.

На том месте, где писалось о строительстве новых заводов-автоматов, электростанций, о выплавке стали, старый Корч сорвался с постели, достал очки и долго всматривался в мелкие газетные строчки.

— Понял, Васько? — наконец произнес Корч, подняв узловатый палец. — Вон как мы завернули!.. Эх, и завидую я тебе! — Корч легонько ударил по затылку Васька.

Ночами не спал Корч. Нет, это была не обычная бессонница старого человека. Гнат Сидорович перебирал в памяти всю свою жизнь. Что ж, он неплохо прожил ее, хорошо послужили людям и родной земле его руки.

Эх, вот еще бы раз взглянуть на те места, где строил, думал старик, поглядеть, что уже без него сделали. И эта мысль отгоняла сон и сверлила, сверлила мозг. Он посматривал на свой топор с дарственной надписью — и не находил покоя...

* * *

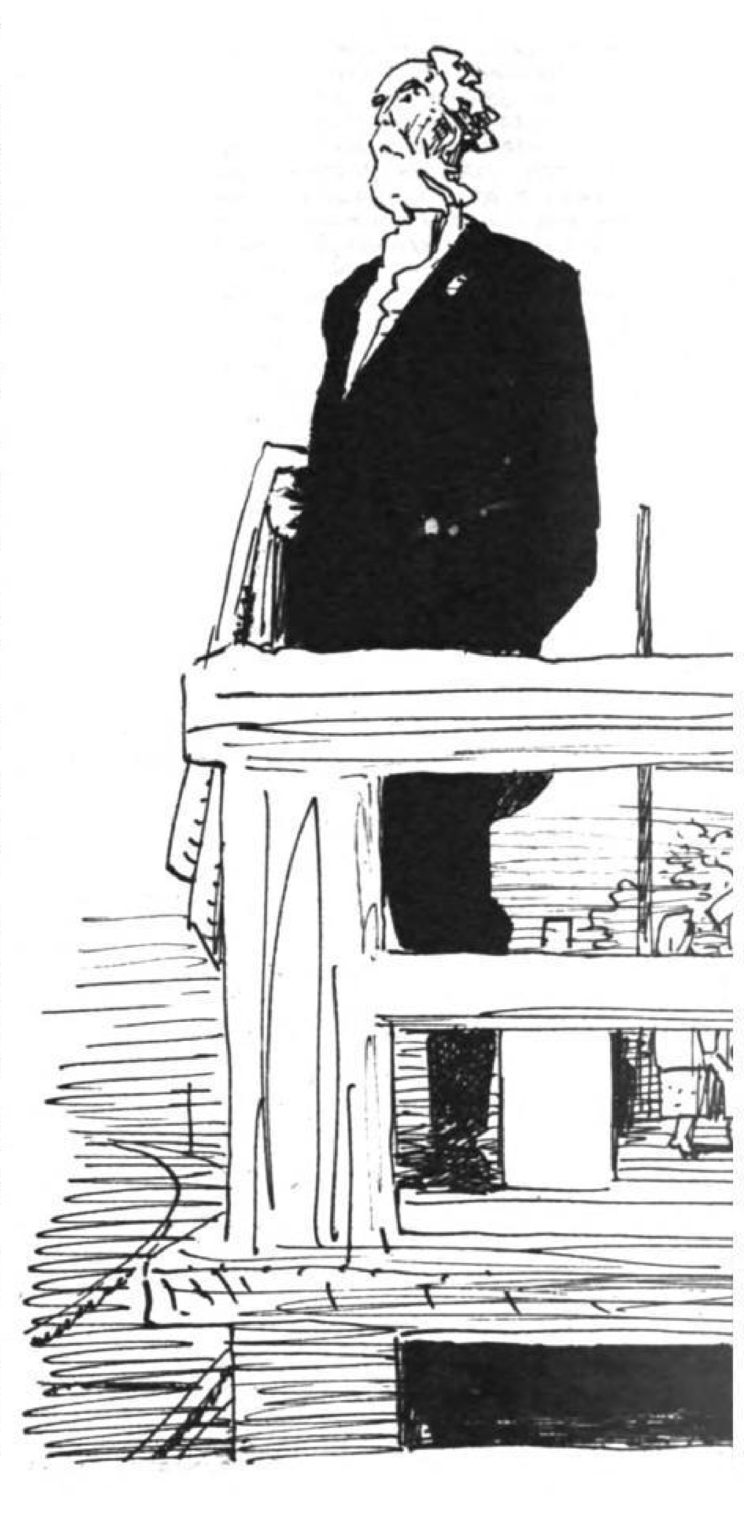
Однажды утром пришел Васько с кувшином парного молока в платочке и пшеничным калачом в хату Корча. Глядь — замок. Посмотрел в окно — в постели никого нет, и топора деда нет...

Перепугался Васько и на все село тревогу поднял. Искали, искали Корча — ни духу, ни следа. Только вечером хлопцы рассказали, что видели Царя на станции в хромовых сапогах с орденом на пиджаке, со столярным ящичком в руках...

А вскоре письмо пришло в мастерскую. «Пишу вам, хлопцы, с земли сибирской. Повидал я все и точно с молодостью встретился. Ой, и крепкие же мы будем! Великие дела на нашей земле идут! Извините, что так уехал, но душа не выдержала. Погощу тут, посмотрю и домой приеду. А как прибуду, так тебе, Васько, топор свой подарю. Что я не успел, ты доделаешь. Всем поклон. Гнат Царь».

Так и подписался: Царь.

Перевел с украинского
Е. ВЕСЕНИН.

НЕБО —

Заметки испытателя парашютов

Ю. ИВАНОВ

Заслуженный мастер спорта Юрий Мартынович Иванов выполнил более 2 300 прыжков с парашютом. Он прыгал и днем и ночью, и на сушу и в воду, с самолетов различных типов, планеров. Почти все эти прыжки испытательные, и за каждым из них — месяцы напряженного труда, творческих исканий, надежд и сомнений конструкторов, инженеров, врачей, укладчиков, летчиков, испытателей.

Юрий Мартынович занимается испытательной работой более двадцати лет. За это время он проверял в воздухе работу почти всех отечественных парашютов и многих парашютов зарубежных конструкций. За проявленные при этом мужество и отвагу он отмечен правительственными наградами. В 1952 году ему присуждена Сталинская премия.

Пошел!

Самолет «У-2» плавно набирает высоту. Я сижу в передней кабине с надетыми парашютами: основным — на спине и запасным — на груди. Посматривая через борт, вижу уходящую вниз панораму Тушинского аэродрома: ангары, самолеты на стоянках, зеленый квадрат летного поля, серебристую излучину Москвы-реки. Сейчас я должен выполнить свой первый в жизни прыжок с парашютом. Высота кажется опасной, а кабина самолета — такой уютной и надежной. А вдруг, падая, я потеряю сознание или не выдерну кольцо? А выдерну — и парашют не откроется? И вообще, зачем мне это?..

Все произошло так стремительно, что я не успел и поразмыслить над предложением прыгнуть с парашютом. К нам на летно-испытательную станцию приехал зачинатель парашютного спорта в СССР Леонид Григорьевич Минов и сказал:

— Парашют — это спасательный круг авиатора. Им надо уметь пользоваться. Желающие могут завтра выполнить прыжок.

Желающих сразу же нашлось много. И вот мы в Тушине. Тут И. Козлов, К. Попов, Б. Бухгольц, С. Корзинщиков, Н. Рыбков, Ю. Шиянов. Среди них и я. Кстати, превосходному летчику-испытателю Бухгольцу парашют уже раз спас жизнь. На груди у него значок: золотая шелковичная гусеница — «катерпилер». Таким значком фирма «Ирвинг» награждала летчиков, спасшихся на ее парашютах.

На старте стоял готовый к полету «У-2». На зеленом брезенте лежали парашюты. Нас встретили Леонид Григорьевич и инструкторы Николай Остряков и Петр Балашов. Петр Балашов поднялся в воздух и продемонстрировал нам прыжок с парашютом. Потом Минов показал, как надо вылезать из кабины самолета на крыло, отделяться, выдергивать кольцо и приземляться. Проверив на земле, как я выполняю все эти операции, он похвалил и поинтересовался, есть ли вопросы. Я робко спросил:

— А что делать, если парашют не откроется?

Минов улыбнулся. Он, видимо, ждал этого вопроса.

— Выдергивайте кольцо запасного. Впрочем, не волнуйтесь, парашют обязательно откроется.

И вот самолет уже возле расчетной точки прыжка; пора выходить на крыло. Теперь я боюсь только одного: опоздать. Минов предупредил: «Не мешкайте в самолете; если прыгнете за границей аэродрома, можете поломать ноги».

Я быстро поднимаюсь с сиденья. Осторожно встаю левой ногой на крыло, а правой — на скобу под фюзеляжем. Левая рука до боли в пальцах сжимает край пилотской кабины, а правая так же сильно сжимает вытяжное кольцо парашюта. С замиранием сердца смотрю вниз. Бросаться, конечно, страшно, но что же инструктор не дает команду?! Хотя бы скорее все это кончилось! Я не выдерживаю и спрашиваю у Острякова:

— Прыгать, что ли?

— Подожди, успеешь, — отвечает тот, — уж очень ты шустрый!

Остряков внимательно смотрит куда-то вперед, кажется, совсем не интересуясь моими переживаниями. Наконец он поворачивается ко мне, весело улыбается и коротко командует: «Пошел!»

Я, как учил Минов, отталкиваюсь левой рукой от кабины летчика и падаю на правый бок. Тело делается невесомым, и это незнакомое ощущение пугает. Скорее кольцо! Дергаю его изо всей силы. Оно у меня в руке, но падение продолжается.

Что случилось с парашютом?! Почему он не открывается? Делаю еще одно резкое движение рукой, посылая ее еще дальше в сторону, и одновременно с этим чувствую, как меня что-то мягко, но с силой встряхивает. Падение прекращается, и неожиданно наступает тишина. Смотрю вверх. Надо мной огромный разноцветный купол, пронизанный солнечными лучами. Почему-то дышу тяжело, словно после большой физической нагрузки. Но от мысли, что прыжок совершен, что парашют открылся, волна буйной радости захлестывает меня. Неожиданно для себя во весь голос начинаю петь:

— «Тореадор, смелее в бой!..»

Так 20 мая 1933 года я совершил свой первый прыжок с парашютом. И когда Минов, поздравляя, спросил, буду ли еще прыгать, я, не задумываясь, ответил:

— Да! Обязательно!

...Конечно, бросаться в бездну страшно. И это естественно. Инстинкт, выработанный тысячами лет, властно запрещает приближаться к пропасти, тем более прыгать в нее. Но преодоление страха, смелая встреча с опасностью оставляют глубокие, яркие и прекрасные переживания.

Прыжки с парашютом — спорт сильных, смелых людей. Парашютизм — это романтика. Так думал я, выполнив свой первый прыжок. Так думаю я и сейчас, четверть века спустя, выполнив уже около двух с половиной тысяч прыжков.

Прыжок с конфетами

Начав заниматься парашютизмом, я скоро убедился, что это спорт очень строгий. Малейшая небрежность может повлечь за собой опасные последствия.

...Ясный весенний день. Сегодня мне предстоит необычный прыжок. Рабочие одного из столичных предприятий выехали на массовку за город. Будут танцы, игры, выступления артистов эстрады. Будет и лекция о парашютизме. Вот мне и предстоит проиллюстрировать эту лекцию: прыгнуть с парашютом, а предварительно сбросить участникам массовки с бреющего полета цветы и килограммов сто шоколадных конфет.

Я стою около самолета, застегиваю грудную перемычку подвесной системы и думаю о встрече с заводскими комсомольцами. Раздумья мои прервал летчик Зайцев:

— Юра, а себе-то ты конфет оставил? Спустишься с неба — чем будешь девушек угощать?

Я улыбнулся. Шутка шуткой, а конфеты надо прихватить. И вот уже карманы комбинезона так раздулись, что даже карабины ножных обхватов не застегнешь.

— Коля, — зову я авиационного механика.— Ну-ка, помоги!

Коля с усилием застегивает карабины и щупает мои карманы.

— Эко снарядились! В каждом килограмма по два будет.

Мы появились над полем, где было гулянье, в точно назначенное время. Праздник в самом разгаре. На берегу Москвы-реки веселится молодежь, в тени деревьев, рядом с буфетом, блестит медью труб духовой оркестр. Летчик разворачивает самолет и бреющим полетом идет над лугом. Я ясно вижу запрокинутые вверх лица, цветастые платья девушек и поспешно щедрой рукой разбрасываю конфеты.

Выполнив первую часть задания, набираем высоту, нужную для прыжка. Чтобы его правильно рассчитать, мне следует знать силу и направление ветра. Это хорошо определять по дыму. Но никто не договаривался с устроителями массовки о костре или дымовых шашках, и теперь надо искать другой ориентир. На берегу, возле пристани, флагшток, и на нем вымпел. Отлично! Сориентировавшись, я указал летчику расчетную точку прыжка над другим берегом реки. Летчик точно выполняет мое указание, и я оставляю самолет. Открываю парашют, усаживаюсь удобнее в подвесную систему и осматриваюсь. Все как будто идет нормально. Но когда я достиг середины реки, ветер неожиданно переменился, и меня понесло вдоль по течению. Собственно, ветер не переменился, просто тогда я не знал, что обычно воздушный поток над рекой идет вдоль нее.

Быстро снижаюсь. Теперь мне ясно, что о приземлении не может быть и речи. Вода, конечно, еще свежая, но плавать я умею хорошо и кричать «Спасите!» не стану. Но без лодки не обойтись, и я во весь голос кричу собравшимся на берегу:

— Лодочку подать не забудьте!

Смотрю: человек пять парней бросились к вытащенной на берег большой лодке и пытаются спустить ее на воду. Я же готовлюсь к «приводнению». Тогда по инструкции это следовало делать так: расстегнуть грудную перемычку, затем ножные обхваты и, выскользнув из подвесной системы, повиснуть на руках. Когда ноги коснутся воды, руки отпустить и потом отплыть подальше от парашюта, чтобы в нем не запутаться.

Я быстро расстегиваю грудную перемычку, один ножной обхват, берусь за другой... Но тут почему-то ничего не получается. Оказывается, механик, застегивая его, проколол пружиной карабина материал комбинезона. Второпях я не провел рукой между ножным обхватом и телом, как этого требует инструкция, и ничего не заметил. А карабин словно заклинило: как я ни старался, но расстегнуть его был не в силах. Рас-

крыл запасной парашют, чтобы он дольше сохранил плавучесть, и, намертво прикрепленный к подвесной системе, опускаюсь в воду. Только теперь я осознал всю опасность своего положения. В намокшей одежде и сапогах держаться на воде тяжело, а о том, чтобы плыть, таща на буксире два парашюта, нечего и думать. В воздухе парашют, конечно, надежный «спасательный круг» авиатора. Но в воде это скорее помеха. Куполы сначала распластались на поверхности воды, а потом стали медленно погружаться. Что делать? Я стараюсь держаться от них подальше, чтобы не запутаться в стропах, и максимально экономлю силы. Однако парашюты хотя и медленно, но с неумолимо возрастающей силой тянут меня на дно.

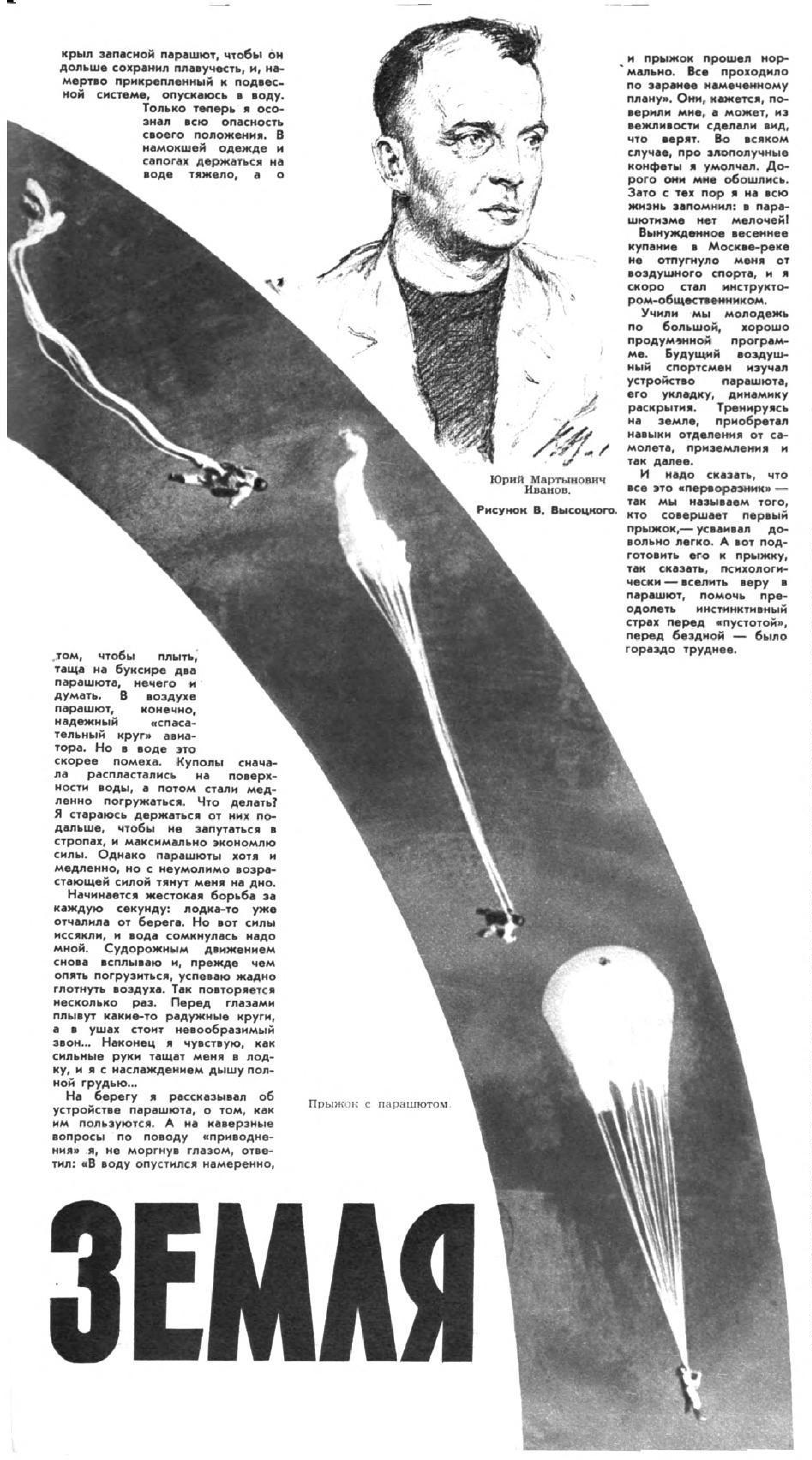
Начинается жестокая борьба за каждую секунду: лодка-то уже отчалила от берега. Но вот силы иссякли, и вода сомкнулась надо мной. Судорожным движением снова всплываю и, прежде чем опять погрузиться, успеваю жадно глотнуть воздуха. Так повторяется несколько раз. Перед глазами плывут какие-то радужные круги, а в ушах стоит невообразимый звон... Наконец я чувствую, как сильные руки тащат меня в лодку, и я с наслаждением дышу полной грудью...

На берегу я рассказывал об устройстве парашюта, о том, как им пользуются. А на каверзные вопросы по поводу «приводнения» я, не моргнув глазом, ответил: «В воду опустился намеренно, и прыжок прошел нормально. Все проходило по заранее намеченному плану». Они, кажется, поверили мне, а может, из вежливости сделали вид, что верят. Во всяком случае, про злополучные конфеты я умолчал. Дорого они мне обошлись. Зато с тех пор я на всю жизнь запомнил: в парашютизме нет мелочей!

Вынужденное весеннее купание в Москве-реке не отпугнуло меня от воздушного спорта, и я скоро стал инструктором-общественником.

Учили мы молодежь по большой, хорошо продуманной программе. Будущий воздушный спортсмен изучал устройство парашюта, его укладку, динамику раскрытия. Тренируясь на земле, приобретал навыки отделения от самолета, приземления и так далее.

И надо сказать, что все это «перворазник» — так мы называем того, кто совершает первый прыжок,— усваивал довольно легко. А вот подготовить его к прыжку, так сказать, психологически — вселить веру в парашют, помочь преодолеть инстинктивный страх перед «пустотой», перед бездной — было гораздо труднее.

Юрий Мартынович Иванов.

Рисунок В. Высоцкого.

Прыжок с парашютом.

ЗЕМЛЯ

Стоит только сказать парню: «Осмотрите обувь и как следует отдохните. Завтра будем прыгать»,— и вот уже с этого момента он начинает волноваться...

«Упрямый» парашют

Начав заниматься воздушным спортом, я не предполагал, что парашютизм станет моей профессией. Но случилось именно так. Когда я выполнил сто спортивных прыжков, мне предложили работать испытателем в парашютной промышленности. Я согласился и очень скоро убедился, что опыта воздушного спортсмена для такого дела недостаточно.

Прыжок испытателя требует, кроме большого мастерства и отличного знания парашюта, еще и специальных навыков. Испытатель должен уметь при самых различных положениях в воздухе следить за поведением парашюта на всех стадиях его раскрытия, уметь анализировать их. И тут одних знаний и хладнокровия мало. Здесь играет роль психологический фактор, так сказать, отречение от собственного «я». Спортсмен во время прыжка все внимание сосредоточивает только на своих действиях, о парашюте он не думает. Испытатель же, выдернув кольцо, должен забыть о себе и сосредоточить все внимание на парашюте. Ведь на земле от него ждут ответа на целый ряд вопросов: в каком положении находилось тело в момент начала раскрытия парашюта, как выходили из ранца вытяжной парашют, купол и стропы, как наполнялся купол, какова сила динамического удара, какие были ненормальности, и т. д., и т. п.

Нас многое роднит с летчиками-испытателями. Парашют — ведь тоже своего рода летательный аппарат. Летчик, испытывая новый самолет, в случае какой-нибудь беды прыгает с парашютом. Мы тоже надеваем надежный запасной парашют, прибегая к нему в критическую минуту. И бывает, что раскрывать его приходится несколько раз подряд.

...Метеосводка обещала хорошую погоду. Но с утра над аэродромом висят низкие, сырые тучи и, не переставая, сеют мокрый крупный снег. Он покрыл жухлую траву, одел в белое платье голые деревья, облепил телеграфные провода. Мы сидим в жарко натопленной летной комнате и терпеливо ждем: когда же сбудутся предсказания метеорологов?

Пристроившись на широком подоконнике, смотрю на падающие хлопья снега, курю и еще раз обдумываю предстоящее испытание. Сегодня надо проверить в воздухе новый парашют. Он рождался на моих глазах. С конструктором я обсуждал первые эскизы, схему его раскрытия. После нескольких месяцев напряженного труда коллектива людей различных специальностей замысел конструктора воплотился в строго очерченный шелковый купол. Я тщательно исследовал каждый сантиметр полотнища нового парашюта, проверял прочность швов и лямок подвесной системы. Это все, что можно было узнать здесь, на земле, до испытаний в воздухе.

Я уже начинал терять веру в предсказание метеорологов, как вдруг погода действительно начала меняться: снег прекратился, облака исчезли, и под лучами

солнца все кругом засияло ослепительной белизной.

...Готовый к прыжку, сижу в кабине самолета, сижу в напряженном ожидании. Я по опыту знаю, что при испытании даже самой, казалось бы, надежной конструкции надо быть готовым к различным неожиданностям. Это тем более надо помнить сегодня. Обычно с новым парашютом первый прыжок «делает» манекен. А тут обстоятельства сложились так, что от услуг манекена пришлось отказаться. Откроется ли новый парашют? Ответ на этот главный вопрос должен был дать не манекен, а человек, я.

...Все ближе расчетная точка прыжка. Внизу проплывает знакомая деревня. Потом я вижу темную ленту шоссе, а за ним летное поле с посадочным «Т» посредине. Пора! Отталкиваюсь ногами и оставляю самолет. Через несколько секунд выдергиваю кольцо и поворачиваю голову так, чтобы увидеть, как купол парашюта будет выходить из ранца. Но... купол не появился.

Обычно парашют раскрывается за две — три секунды, и даже незначительная задержка, вызывая у спортсмена законную тревогу, дает ему право прибегнуть к запасному парашюту. Испытатель же обязан подавить в себе это инстинктивное тяготение к кольцу запасного парашюта. Надо установить и устранить причину задержки. И я терпеливо жду. Однако парашют не раскрывается. Тогда я наклоняю корпус вперед и лечу к земле вниз головой. Это — самое удобное положение тела для того, чтобы парашют, находящийся на спине, мог сработать.

Мчатся стремительной чередой секунды, неумолимо надвигается земля, а купол по-прежнему не выходит из ранца. В такой ситуации поистине промедление смерти подобно. И я выдергиваю кольцо запасного парашюта. Рывок. Падение сменяется плавным спуском, и одновременно я вижу, как падает вниз купол опытного парашюта: видимо, от толчка ранец наконец открылся. Лучше бы он не открывался: тогда можно было бы установить причину отказа.

Приземляюсь благополучно. Снимаю подвесную систему, осматриваю парашют. Все как будто в порядке. Просто непонятно, почему купол не вышел из ранца!

На старте лежат еще три таких же парашюта. Я беру один из них и говорю нашему старшему укладчику Ивану Федоровичу Антонову:

— Помоги-ка надеть, надо еще разок прыгнуть.

И вот я снова в кабине самолета. Новый парашют, возможно, опять не откроется. Но я твердо решил узнать, в чем дело. Оставляю самолет и выдергиваю кольцо. Все происходит так же, как и в первый раз. Однако теперь я уже не трачу время на томительное ожидание и сразу же ощупываю капризный парашют. Ранец открыт, но купол из него не выходит. Что за чертовщина!

Приближение земли заставляет меня прекратить исследования, я открываю запасной, и так же, как в первый раз, от рывка купол нового парашюта выпадает из ранца и беспомощно повисает подо мной. Опять неудача!

Я приземляюсь, иду на старт и надеваю третий опытный парашют.

— Юра, хватит рисковать, — говорит руководитель испытаний Сергей Николаевич Смуров. — Дефектный парашют может и запасному помешать открыться. Пусть конструктор еще поработает.

Сергей Николаевич сам опытный испытатель, и он, конечно, прав. Я тоже знаю, что продолжать испытания опасно, и, тем не менее, не могу их прекратить. Чувство более сильное, чем инстинкт самосохранения, захватывает меня. Это чувство трудно передать словами. Тут и упрямство, и азарт, и страстное желание во что бы то ни стало выполнить задание. Камнем летя к земле и в скупо отсчитанные секунды пытаясь заставить сработать опытный парашют, я непосредственно участвую в созидательной работе конструктора. Это — творчество.

Итак, я в третий раз падаю головой вниз. Выдергиваю кольцо. «Упрямый» парашют верен себе: он не открывается. Я поднимаю руки, через плечи дотягиваюсь до шелкового купола и изо всех сил пытаюсь вытянуть его из ранца. Я борюсь с парашютом, как с живым существом, сильным, коварным. Но в азарте этой борьбы я совсем забыл, что с тысячи метров человек падает всего 21 секунду. Случайно бросаю взгляд и леденею от ужаса: черт возьми, как близка земля! Рука невольно тянется к кольцу запасного парашюта. Он на груди, а я падаю плашмя, лицом вниз. Встречный воздушный поток может прижать купол к телу и не даст ему открыться.

В такие мгновения соображаешь удивительно быстро и точно. Я поворачиваюсь на спину и одновременно правой рукой выдергиваю кольцо. Ранец открывается, хватаю вершину купола запасного парашюта и, чтобы он скорее наполнился воздухом, с силой бросаю его вверх.

Спасен! Стою на земле цел и невредим! От радости я даже не сразу вспомнил об опытном парашюте. Оказывается, он не вывалился из ранца, и теперь, наконец, можно узнать причину дефекта.

— Скорее ко мне! — зову товарищей, а сам стою на месте, боясь пошевельнуться: вдруг этот чертов купол снова вывалится.

С меня осторожно снимают парашют, и все становится ясным. Конструкция нижнего клапана ранца неудачна: он намертво зажимает вытяжной парашют и главный купол. Тут же вынимаю нож, подпарываю у четвертого опытного экземпляра дефектный клапан и надеваю парашют.

...Четвертый раз за этот день покидаю самолет. В свободном падении выдергиваю кольцо, и наконец-то надо мной распахивается купол «капризного» парашюта. Вместе с этим меня охватывает чувство глубокого удовлетворения. Оно с лихвой окупает все треволнения и опасности, которые неизбежны в работе парашютиста-испытателя.

Все для фронта, все для победы

Когда началась война, я подал заявление начальнику нашей летно-испытательной станции с просьбой отпустить меня на фронт.

— Все хотят на фронт. А фронту новые парашюты нужны. Кто же их испытывать будет? — устало сказал начальник, видимо, уже не в первый раз повторяя одну и ту же фразу в ответ на одни и те же заявления.

На общем собрании мы отказались от испытаний новых парашютов с помощью манекенов. Это, конечно, было очень рискованно, но зато почти вдвое сокращало сроки испытаний. А в те дни фронтовики особенно торопили со сдачей нового десантного парашюта с комбинированным раскрытием. Такой парашют предложил известный конструктор Николай Александрович Лобанов.

Его парашют в конечном счете оказался очень удачным. Но испытания проходили крайне напряженно, тяжело и запомнились мне на всю жизнь. При первом прыжке с новой конструкцией вытяжной парашют попал мне под мышку, и я вынужден был открыть запасной. Николай Александрович, сделав новые расчеты, поместил вытяжной парашют в ранце в другом месте, и на следующий день я снова пошел на прыжок. На этот раз вытяжной парашют бросило мне в ноги, и вновь я спустился на запасном.

Так продолжалось шесть дней подряд. Вытяжной парашют словно заколдовали. Где бы его ни размещали в ранце, он обязательно попадал то в ноги, то под руки. Конструктор за эти дни похудел, почернел. Да и я чувствовал себя не лучше. Даже во сне я думал о том, куда в следующий раз забросит вытяжной парашют и что тогда будет.

И вот сегодня очередной, седьмой испытательный прыжок. Вчера до поздней ночи мы с Николаем Александровичем решали, как лучше исправить дефект конструкции, и, кажется, нашли удачный выход.

...В панораме, развертывающейся под крылом машины, ищу нужные ориентиры и, установив их, покидаю самолет. Открываю парашют, и вдруг мне кажется, что чья-то сильная рука, ухватив за правую лодыжку, рванула вверх. При этом я заметил, как нож, который для удобства находился у меня под ранцем запасного парашюта, выскочил из ножен и упал вниз.

На этот раз вытяжной парашют сыграл со мной злую шутку: он обмотался вокруг правой ноги. Купол же вышел из ранца и согнулся надо мной, словно в учтивом поклоне.

Я попытался было освободить ногу от вытяжного парашюта. Но соединительная стропа захлестнулась каким-то тугим, замысловатым узлом. «До земли его не развязать, а ножа нет, — подумал я. — Запасной же открывать бесполезно: запутается в главном куполе».

Выходит, что остается только одно: попробовать оборвать соединительную стропу. Но удастся ли? Она выдерживает нагрузку до 125 килограммов. Однако набегающая земля удваивает силы. Двумя руками хватаю стропу. Тяну ее изо всех сил. Страшная боль в ноге. Но можно перенести любую боль, когда купол разворачивается над тобой спасительным шатром.

Благополучно приземляюсь и с удивлением вижу на ноге кровь. Оказывается, обрывая стропу, я прорезал ею голенище брезентового сапога и ногу.

На другой день я сделал испытательный прыжок с восьмым вариантом нового парашюта. И на этот раз он прошел безукоризненно. Конструктор наконец нашел единственно правильное решение, совсем убрав вытяжной парашют и изменив конструкцию ранца. Через несколько дней новый объект был сдан заказчику.

На больничной койке

...Альтиметр показывает высоту 1 500 метров. Оставляю самолет и, как у нас говорят, «ложусь на воздух»: плашмя, лицом к земле, раскинув в стороны руки и ноги. Я должен сделать двадцатисекундную задержку в раскрытии парашюта. Сегодня испытываю подвесную систему десантного парашюта.

Двадцать секунд истекают. Выдергиваю вытяжное кольцо. Рывок — и от страшной боли в груди почти теряю сознание. Ощущение такое, словно ребра сломались и проткнули легкие. Боль не дает дышать, я хватаю ртом воздух, будто откусываю его по кусочку. Спуск на парашюте проходит, как в тумане. О том, чтобы правильно приготовиться к приземлению, я и не думаю. Малейшее движение руками вызывает страшную боль.

К счастью, ветра почти нет. Мягко опускаюсь на землю, но снять парашют не могу. Подбегают товарищи. Я с трудом отвечаю на их вопросы.

Подвесная система неудачна. Мне, вероятно, раздавило грудную клетку.

...Моя койка стоит возле окна. Темная ночь. Спать не могу, хотя и проглотил какое-то снотворное. Днем профессор, смотревший меня, сказал, что ребра целы, а порваны грудные мышцы.

— А когда мышцы срастутся, я смогу прыгать с парашютом?

Профессор вздохнул:

— Будете прыгать... Полагаю, что у вас все пройдет бесследно.

Сейчас, страдая на больничной койке, я думаю: почему мы, испытатели, так любим свою профессию? Мои товарищи по работе Сергей Смуров, Борис Пятериков, Андрей Рясов, несмотря на то, что получили при испытаниях тяжелые травмы, снова вернулись в строй. Я не знаю ни одного испытателя, который бы по своей воле перестал прыгать с парашютом.

Однажды ко мне подошел незнакомый летчик, Герой Советского Союза. Он прибыл с фронта за новым самолетом и целый день провел на аэродроме, наблюдая, как мы испытываем парашюты.

— Хочу поблагодарить тебя и твоих товарищей, — сказал он, крепко пожимая мне руку. — Я в бою дважды выбрасывался с парашютом. Считай, что вы мне дважды спасли жизнь, да и не только мне, а сотням советских летчиков.

Эти слова доставили мне большое удовлетворение. Я и сейчас вспоминаю их с гордостью. Участвуя в создании новых парашютов и подчас рискуя жизнью, испытатели борются за прогресс авиации, за безопасность полетов. Это творческая, волнующая работа. И тот, кто стал испытателем, стал им на всю жизнь.

Литературная запись **А. ГОЛИКОВА.**

Окончание следует.

А. И. Корзухин (1835—1894). В МОНАСТЫРСКОЙ ГОСТИНИЦЕ. 1882 год. Государственная Третьяковская галере

В. М. Максимов (1844—1911). ПРИХОД КОЛДУНА НА КРЕСТЬЯНСКУЮ СВАДЬБУ. 1875 год.

В. Е. Маковский (1846—1920). НА БУЛЬВАРЕ. 1886—1887 годы.

Государственная Третьяковская галерея.

Малоизвестный портрет Гумбольдта.

ГУМБОЛЬДТ В РОССИИ

Шестого мая исполняется сто лет со дня смерти выдающегося немецкого естествоиспытателя Александра Гумбольдта. Ф. Энгельс, намечая исторические вехи в развитии науки, называл имя А. Гумбольдта среди других ученых, творческая деятельность которых послужила развитию материалистического направления в естествознании. Гумбольдт — выдающийся путешественник, один из основоположников научной сравнительной географии. Результаты его экспедиций по Америке (1799—1804) и России (1829) принесли ему всемирную славу. Ученый был убежденным гуманистом, он протестовал против рабства в США, утверждая, что нет рас низших или высших. «Я ненавижу войну»,— писал Гумбольдт в 1858 году. Вместе с тем он сочувственно относился к освободительной борьбе народов Кубы, Италии и других стран за свою независимость.

Имя его было хорошо известно в России. Научное признание А. Гумбольдта в нашей стране выразилось избранием его почетным членом Петербургской академии наук и Московского общества испытателей природы, почетным профессором Московского университета.

Русские ученые и общественные деятели были связаны с немецким естествоиспытателем тесной деловой дружбой. Он встречался с А. С. Пушкиным, Н. И. Тургеневым, В. Я. Струве, П. П. Аносовым, Ф. П. Литке.

О большом интересе Гумбольдта к России, ее народу и природе говорит переписка молодого ученого с В. Ю. Соймоновым. В июле 1793 года он пишет Соймонову:

«Я вижу, что Вы собираетесь покинуть Германию, чтобы отправиться в Сибирь. Как я завидую Вашей судьбе! Какой счастливый случай увидеть великие творения природы! Вы меня спрашиваете в своем предпоследнем письме: «Возможно ли будет увидеть Вас когда-нибудь в этой части Азии?..» Так вот, не скрою от Вас, что уже три года это является одним из моих самых горячих желаний».

Еще до путешествия в Россию А. Гумбольдт с интересом следил за исследованиями русских ученых и моряков, высоко оценивая вклад в науку антарктической экспедиции Беллинсгаузена — Лазарева (1819—1821). В предисловии к первому тому своего «Исторического путешествия» Гумбольдт писал о важных исследованиях Крузенштерна, отмечая, что отдает этому просвещенному и талантливому мореплавателю публичную дань глубокого уважения. Гумбольдт встречался с известным русским астрономом И. М. Симоновым, который ознакомил его с научными изысканиями в высоких широтах Антарктики. По оценке Гумбольдта, исследования Симонова в антарктическом плавании открывали «новые точки зрения».

Приезд Гумбольдта в Россию сыграл важную роль в укреплении связей между русскими и немецкими учеными. На заседании Академии наук 29 апреля 1829 года Гумбольдт подчеркнул необходимость организации систематических повсеместных наблюдений над явлениями земного магнетизма и атмосферными явлениями. В Казани он ведет оживленные беседы с выдающимся русским математиком Н. И. Лобачевским, бывшим в это время ректором Казанского университета.

Гумбольдт с восторгом отнесся к проекту обсерватории для геомагнитных и метеорологических исследований, предложенному русскими учеными. Он писал А. Я. Купферу: «Мне нечего прибавить к Вашим мыслям относительно полезности обсерватории, предназначенной для физических исследований земного шара. Ничто не может лучше служить той цели, которую мы себе ставим, чем учреждение, Вами задуманное... Мне не приходится Вам говорить, в какой мере вся остальная Европа приветствовала бы осуществление такого проекта...»

Исследования Аральского моря, проведенные А. И. Бутаковым в 1848 году, Гумбольдт оценивал как истинно географические открытия. В 1853 году А. И. Бутаков, по предложению А. Гумбольдта, был избран почетным членом Берлинского географического общества и награжден орденом.

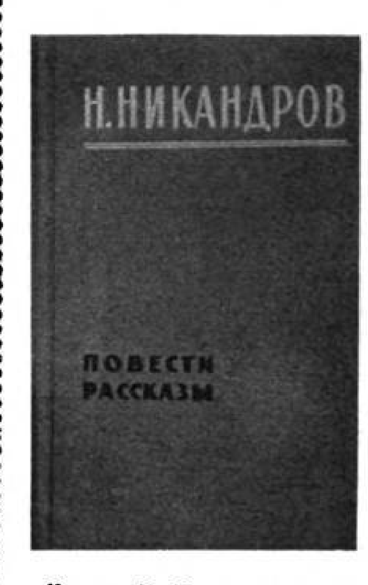
Научные связи Гумбольдта с Россией, не прерывавшиеся до конца его дней, еще очень мало изучены, но они, несомненно, способствовали развитию научных связей России и Германии.

Юбилей А. Гумбольдта широко отмечается в научных кругах всего мира. Советский народ чтит А. Гумбольдта как выдающегося ученого-гуманиста, стремления которого были направлены на служение науке и человечеству.

В. ЕСАКОВ,
кандидат географических наук

Писатели и книги

Добрая встреча

Книги Н. Никандрова, издающиеся, к сожалению, редко, не залеживаются на прилавках книжных магазинов. Не всегда удается получить их сразу и посетителям библиотек. И обидно становится при мысли, что талантливый, перешагнувший через свое восьмидесятилетие писатель, получивший в свое время дружескую поддержку Льва Николаевича Толстого, а позже — А. М. Горького, А. И. Куприна, И. А. Бунина, мало знаком нашей читающей молодежи.

Жизненный путь Николая Никандровича, трудный и мужественный, мог бы стать благодарным материалом для волнующей книги о несгибаемом русском характере, о неиссякаемой вере во все преодолевающую силу русского человека. Нетрудно понять, почему А. М. Горький, прошедший свои «университеты» в поисках заработка, испытав и мытарства «в людях», и превратности профессии «мальчика» при магазине, и посудника на пароходе, и пекаря, и грузчика, принял самое близкое участие в литературной судьбе Николая Никандрова. Никандрову тоже пришлось быть грузчиком, погонщиком скота, уличным фотографом, рыбаком, довелось испытать долю политического ссыльного, скитаться за границей, жить по чужому паспорту.

Познакомился я с Н. Н. Никандровым в Крыму, когда ему было уже за семьдесят. Он приехал сюда, к керченским рыбакам, чтобы, живя с ними, разделяя их неудачи и радости, снова написать о своих любимых героях. И так случилось, что незадолго перед этим мне впервые удалось прочитать его поэтические повести и рассказы: «Береговой ветер», «Красная рыба», «Кочевники моря». Было радостно знать, что писатель не изменил своим давнишним друзьям, что он снова среди тех, кого с такой покоряющей теплотой показал много лет назад.

Ряд опубликованных в сборнике повестей и рассказов впервые был опубликован еще до революции. В 1924—1948 годы Н. Никандров написал «Гурты в степи», «Надя», «Красная рыба», «Кочевники моря», «Цвела сирень» (о встречах с Горьким). И дореволюционные произведения Николая Никандровича и более поздние его повести и рассказы собраны сейчас в однотомнике.

Издательство «Советский писатель» сделало хорошее дело. Но у Н. Н. Никандрова, старейшего русского писателя, в конце двадцатых годов вышло пятитомное собрание сочинений. Не следует ли нашим издательствам более широко познакомить советских читателей с произведениями Николая Никандровича — литератора, о котором А. М. Горький писал еще в 1913 году: «Никандров, — это — да! Талант».

Евг. ПОПОВКИН

Н. Никандров. Повести и рассказы. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1958. 467 стр.

Энциклопедия стран социализма

История этой большой книги, написанной в предельно короткий срок, необычна. Ее авторы — люди разных поколений, профессий и национальностей, но это не помешало им создать книгу, идеи и настроения которой близки и понятны миллионам людей. Это идеи социализма и братской дружбы.

Редакция газеты «Известия» попросила товарищей из стран народной демократии рассказать советским читателям о том, как народы стран социализма строят новую жизнь.

И вот книга—эта своеобразная энциклопедия единства социалистических стран — издана. Каждая глава — волнующий рассказ о борьбе и победах социалистических стран. Читатель узнает о прошлом и настоящем, о политической жизни, экономике, науке и искусстве, о своеобразных обычаях братских народов.

Глубокому освещению их жизни помогают статьи и очерки не только журналистов и писателей, но и руководителей компартий, правительств, инженеров, рабочих, крестьян и ученых. Книга ведет читателя по городам и селам республик, рассказывает о буднях и праздниках творцов социализма.

В. СТЕЦЕНКО

Под знаменем социализма. Изд-во «Известия». 1959. 632 стр.

Люди принеманского края

Жизнь Янки Брыля сложилась не просто... Детство, отрочество и юность прошли в глухой, прибитой игом панского произвола западнобелорусской деревеньке, потом солдатчина в польской армии, потом гитлеровский плен, а после побега — беспокойные партизанские дни и ночи... Первые произведения Брыля дошли до читателя много лет спустя после того, как они были задуманы.

Но годы суровой судьбы, не допускавшей Брыля до писательского стола, были порой внутреннего развития дарования будущего прозаика.

С появлением вскоре после войны первых брылевских рассказов и очерков в белорусскую литературу вошел новый, сразу же по-зрелому требовательный к себе писатель.

Янка Брыль пишет только о том, что он хорошо знает и очень любит. Герои его рассказов и повестей — наши современники. На родине писателя, в милых его сердцу принеманских просторах, в любой деревне можно встретить тех людей, что в рассказах и повестях прозаика доверчиво и просто раскрыли перед читателем свои души.

Рассказы «Марыля», «Праведники и злодеи», «Сиротский хлеб» звучат нежной, трогательной и печальной, как музыка пастушеской жалейки, песней о белорусских тружениках.

В повести «На Быстрянке» Брыль дает многоплановую панораму колхозной действительности. Здесь и картины Отечественной войны, и история любви двух хороших людей, и размышления о месте человека на земле, и раздумье о писательском долге.

Сборник Янки Брыля помогает увидеть и полюбить принеманский край, его нежную красу, живущих там людей.

В. ПОНОМАРЕВ

Янка Брыль. Рассказы и повести. Гослитиздат. Москва. 1958. 394 стр.

Рисунок А. Каневского.

КЛАД

Рассказ

Эйвин БОЛСТАД

Бедняк Йенс из Трета был рыбаком в стране Тысячи островов, находящейся на востоке Норвегии. У него были лодка и рыболовные снасти. По наивности он считал их своей собственностью. Он даже был убежден в этом. Впрочем, все рыбаки так думают, хотя в действительности все принадлежит богатому купцу Рейнерту Мусебергету: и лодка, и снасти, и дом, и одежда, еда, и даже будущее.

Йенс был в большом долгу у купца, в таком большом, что при выборах в стортинг Йенс вынужден был отдать свой голос за партию богачей, хотя делал он это против своей воли. У него даже рыдания застревали в горле и глаза сверкали от бешенства. Но он знал, что Рейнерт Мусебергет рано или поздно пронюхает, за кого он отдал свой голос.

Называется это тайным голосованием.

Большой работяга был Йенс. Он немало порыбачил на своем веку. Случалось и ему сдавать купцу полные ящики с рыбой, и тот списывал с него долг. Тогда Йенс снова набирал товары и снасти. И опять рос новый долг. Это было своего рода рабство. Но скажи Йенсу, что он пожизненный раб, он непременно запротестовал бы.

Никто не знал, что Йенс давно вынашивал мечту приобрести небольшой клочок земли. Он не любил рыболовства. Но как ему, бедняку, обремененному долгами, с женой и целой кучей детей, обзавестись землей?

Тут в дело вмешался Единорог. Этот насмешник никогда не упускал случая подшутить над богачами в стране Тысячи островов. Он плавал в черной лодке в такую погоду, когда даже пароходы стремились прибиться к берегу. И вот послушайте, что из этого вышло.

Однажды вечером богатый владелец дубильни по прозвищу Ульрик-дубильщик, спасаясь от своей сварливой жены, ушел в море, чтобы наловить молодой трески. Он расположился у небольшого островка Кульгравен и до наступления темноты успел поймать немало рыбы. Он было уже направился домой, но вдруг заметил мерцающий огонек на болоте.

Ульрик опустил весла. Неужели привидение? Человек он был любопытный и, пока не выяснит все, что его интересует, не успокоится. Вынув изо рта табачную жвачку и положив ее в карман жилета, он бесшумно направил лодку к скале и поплыл вдоль берега. Так он добрался до заливчика и, тихо взмахивая веслами, стал осторожно продвигаться по заливу, будто укладывал младенца в колыбель. Когда он вышел на берег, ни один камушек не скрипнул под его ногами. Он бесшумно пополз по береговой насыпи, добрался до куста можжевельника, просунул голову между ветками, сильно оцарапавшими ему лицо. Зато перед ним открылся великолепный вид на болото. Его же никто не мог увидеть.

И только Ульрик собрался перевести дух, как прямо перед его носом зажегся фонарь. Не иначе, как проделка Единорога! Ну, конечно, это был он, проклятый дьявол! Как это он, Ульрик, сразу не догадался, что эта бестия затевает что-то? Удастся ли ему сейчас поймать бродягу и расквитаться с ним за все? Ульрик приставил руку к уху и стал прислушиваться. Всмотревшись, он увидел, что рядом с Единорогом был Йенс. Он держал фонарь, который едва светился. Как бы не так, не такой уж Ульрик дурак, чтобы не понять, что эти два молодчика что-то скрывают от людей! Свиные шкуры! Грязные вши! Уж не занимаются ли они контрабандой? Ну, тогда тот, кого зовут Ульриком-дубильщиком, не поленится пойти и донести на них лендсмену и в полицию. Собственно, он может сказать только о своих подозрениях. А молва сделает все остальное. Вот тогда-то придет конец легенде о прославленной честности Единорога! Когда слухи сделают свое дело, Ульрик-дубильщик может сказать, что он, дескать, ошибся.

Ульрик уже собирался осуществить свои намерения, как вдруг он заметил, что те двое принялись копать, затем вытащили какие-то бумаги. Ульрик так и задрожал. Бумаги походили на настоящую карту. Йенс и Единорог согнулись над картой, почти сталкиваясь лбами. Ну и глупцы! Они говорили так громко, что Ульрик-дубильщик мог разобрать каждое слово. Больше того, Единорог стал тыкать пальцем в карту, жестикулировать. Смотри, как разошелся! Ульрик слышал, как он несколько раз настойчиво повторил: «Если провести прямую от этого куста можжевельника до сосны по ту сторону болота, то это будет соответствовать диагонали на карте. Где-то на этой линии должен быть спрятан шотландский клад. Этот парень из университета, который называет себя археологом, наверняка не ошибается».

Ульрик побледнел. Шотландский клад с золотом господина Синклера давно тревожил умы. Историки знали, что Синклер действительно закопал где-то клад, когда он в давнее время вступил в Норвегию со своими воинственными солдатами. После поражения, постигшего этого горделивого дворянина, им всем пришлось убраться восвояси.

Ульрик навострил уши: что еще скажет Единорог?

— Сразу же за болотом! — решительно сказал Единорог. — Но нужно держать язык за зубами. Даже жене ни единого слова.

— Положись на меня,— заверил его Йенс.

И они отправились через болото. Раза два они чуть было не провалились в вязкую тину.

Ульрик, как привидение, спустился к воде, сел в лодку и тихонечко отчалил, стараясь держаться затемненной стороны берега, чтобы не попасться на глаза двум разбойникам. Но потом он так налег на весла, что вода разлеталась звездами под их ударами. Ульрик спешил поговорить с управляющим банком Кристафером.

У Кристафера глаза загорелись, когда он услышал о кладе. Значит, старики были правы! И, хотя уже было за полночь, они побежали к Рейнерту Мусебергету. Могущественный Рейнерт встретил их недружелюбно. Он даже начал браниться, но стоило ему услышать слово «клад», как он тотчас же преобразился. И богачи стали держать совет.

На следующий день три богатея стояли на болоте в сопровождении своей челяди, хорошо оснащенной лопатами и заступами. Они хитро подмигивали друг другу и хихикали. Потом молча обступили яму, откуда летели камни, корни и проклятия. Тяжелая это была работа!

Ну и досталось, наверно, Йенсу и Единорогу! Они ведь целый день провели среди этой грязи и тины.

Работа прекратилась. Из ямы показался Единорог, весь в грязи, черный, как черт. За ним следовал Йенс. Он остановился словно вкопанный. Трем богачам пришлось по душе выражение его лица. Значит, они на правильном пути! Кристафер из банка ликовал всей душой, как будто ему перепал целый хутор в уплату за пустячный долг. Ульрик-дубильщик наслаждался. А сам Рейнерт Мусебергет так обрадовался, что чуть не улыбнулся: у него-то был большой опыт, из его лавки не раз должники уходили с расстроенными лицами, и Рейнерт Мусебергет знал, какую выгоду это может сулить.

— Хорошая работенка,— зло заметил Кристафер.

Йенс пришел в бешенство.

— Отправляйтесь на берег! —закричал он.— Вам здесь нечего делать!

— А мы не собираемся двигаться с места,— ответил Мусебергет.— Что ты на это скажешь, Ульрик?

— Мы решили покопать немного. Нам это полезно для здоровья,— заметил Ульрик с хитрецой.— Адвокат, которому принадлежит этот остров, нисколько не возражает. Можешь считать его дураком, но это так. К тому же это не твой остров, Йенс.

Лицо Йенса посерело, и, ухватив заступ, он ринулся на Ульрика. Но Единорог встал между ними, предотвратив тем самым кровопролитие.

Двое дружков снова спустились в болотную яму. Они принялись работать так усердно, что земля вихрем поднималась в воздух. Они, конечно, хотели как можно скорее докопаться до клада. Это было ясно: Ульрика, Кристафера и Мусебергета не проведешь. Но нужно было поторапливаться. Богачи сбросили пиджаки и крикнули своим работникам, что если они не приналягут как следует на лопаты, то с завтрашнего дня могут искать себе другую работу. Рейнерт Мусебергет был мужик креп-

---

Главное действующее лицо этого рассказа — друг бедных, норвежский Ходжа Насреддин.

кий, рослый. Правда, ему немало мешало солидное брюшко. Пот так и лил с его лица, а он копал, сыпля проклятия во все стороны.

Поздно вечером компания понуро возвращалась домой. Они еле-еле волочили ноги. Мусебергет опустил голову, он едва переводил дух, его щеки раздувались, как тяжелые гардины на сильном сквозняке.

На следующий день они снова появились на болоте. Йенс и Единорог уже работали с остервенением, точно в них вселился бес. Богачам нельзя было отставать. Ульрик даже велел жене прийти на помощь. Кристафер тоже последовал его примеру. Дородная жена Рейнерта Мусебергета собственной персоной появилась на болоте с мотыгой в руке. Дом, хозяйство, дети, всякая другая работа — все было заброшено. Шла отчаянная погоня за кладом. Они работали круглые сутки — днем и ночью, спали по очереди несколько часов. Домой не уходили.

— Можно и под кустом передохнуть немного! — сердито заявлял Рейнерт Мусебергет, похудевший на десять килограммов. Ночью болото было усеяно фонарями. Все пребывали в сильнейшем напряжении. Золотая лихорадка в Клондайке была ничто по сравнению с той жадностью, которая одолела троих богачей. Ни один из них не хотел очутиться дома в тот самый момент, когда на свет божий появится клад. И маленький отряд размахивал своими орудиями так, что они сверкали на солнце и мерцали под фонарями. Вот где царил настоящий дух приключения! Мужчины и женщины рыскали по болоту и потом в изнеможении опускались под кусты, не выпуская заступов из рук.

Однажды они увидели, как Йенс согнулся и заплакал. Ну, и поделом этому дьяволу! Теперь его песня спета. Они захватили болото в свои руки. Они обыскивали каждый квадрат. Ни один клочок земли не останется невскопанным. Теперь прямо по болоту тянулась глубокая канава. С ее дна во все стороны расходилось множество борозд поменьше, и так сквозь всю эту земляную насыпь, отделяющую болото от моря. Всем казалось, что клад должен был находиться в том месте, где болотная вода в виде речушки вливается в море. Болото осушалось на их глазах.

Ну и адская это была работа! Богачей утешала одна только мысль: клад не достанется ни Йенсу, ни Единорогу, черт бы их побрал! Эта мысль доставляла радость. Но чувствовали они себя разбитыми. Мусебергет даже весь как-то сгорбился, жена его изуродовала свои холеные, белые руки. Они были в ссадинах, царапинах и походили на руки простой крестьянки. В таком виде она, конечно, не могла появиться в доме пастора, где по случаю золотой свадьбы собиралась вся окрестная знать. Кристафер по неосторожности ударил себя заступом по ноге. У Ульрика от стояния в холодной болотной воде разыгралась подагра. А жену его кто-то нечаянно так огрел лопатой по носу, что он увеличился вдвое. Пришлось пойти за теплыми платками, кофтами, растираниями и прочим. Хорошо, что прислуга под рукой. Было на ком выместить злобу. Вернуться-то домой пришлось ни с чем!

Прошло несколько недель. Богачи стали понемногу забывать свои злоключения.

И вдруг грянул гром среди ясного неба: рыбак с самых дальних островов причалил к пристани. Он направлялся в лавку Мусебергета за товаром, конечно, собираясь брать его в кредит. Проходя мимо Кристафера и Ульрика-дубильщика, стоявших на пристани, он бросил им невзначай: Йенс и Единорог опять начали раскапывать болото на острове и собираются соорудить себе шалаш — нет, настоящую хижину.

Наши молодчики переглянулись. У них еще не сошли мозоли с рук после злосчастных поисков клада.

Черт бы побрал это болото! Неужто эти негодяи посмеют позариться на чужую собственность? Правда, никто из них не обеднеет от этого, но вдруг Йенс разбогатеет, воспользовавшись их трудами, да еще на чужой земле! И как Йенс мог подумать, что они снесут такое беззаконие! Как бы не так!

Три богача снарядили целую флотилию лодок. Они вовсе не крались вдоль берега, они прорвались через кустарник и вторглись в болото. Там они увидели, что Йенс шел за лошадью крестьянина из Эльмеланда и пахал. За ним шагал Единорог. На возвышенности землемер и его помощники устанавливали измерительные приборы.

Кристафер увидел, что канава, прорытая по диагонали, огорожена камнями. Рейнерт Мусебергет заметил, что все канавки тоже обложены камнями и толстыми пластами земли. Ульрик посмотрел на земляную насыпь. Именно в этом месте они с женой усердно копали, прогнав отсюда всех остальных. Этот участок они хотели захватить: ведь клад находился, несомненно, здесь.

Богатеи переглянулись. Рейнерт Мусебергет побледнел; у него голова варила получше, чем у его друзей. Но они тоже смекнули, в чем дело, и покраснели, как вареные раки. Кристафер вдохнул большую порцию воздуха. Желтые лошадиные зубы, такие крепкие, что способны были перекусить железную цепь, показались между губами. Это был волчий оскал. Кристафер готов был вот-вот взорваться. Теперь наступил момент, когда каждый должен был стоять за себя. Скривив рот, он процедил сквозь зубы, что Йенс за это дело непременно угодит в тюрьму. Йенс отвел глаза и сказал робко, даже, как показалось Мусебергету, слишком робко:

— Пожалуйста, милости просим в Трет. Мы так решили назвать остров!

Лицо Мусебергета позеленело. Он бросил взгляд на болото. Здесь могло бы быть замечательное пастбище, по крайней мере для десяти коров.

— Спасибо за помощь,— сказал Йенс и протянул руку. Лошадь в это время заржала.— Большое спасибо. Да благословит вас всех господь бог.

— Аминь! — сказал Единорог и высоко задрал нос.

— Эй! Йенс! — крикнул землемер.— Граница пройдет через ту скалу. Ты там сможешь устроить себе недурную площадку для сушки рыбы. Болото оказалось посреди твоего владения. Ты понял, Йенс?

— Спасибо, спасибо,— ответил Йенс и таким невинным взглядом посмотрел на лошадь, что у Кристафера потемнело в глазах. Ульрик от бешенства даже подскочил на месте.

Но самое неприятное произошло вечером, когда мужчины и женщины собрались на пристани и принялись говорить о кладе, о том, сколько труда они вложили в это пустое дело. Единорог сел в свою маленькую черную лодку, поднял паруса и собирался отправиться в путь. Вид у него был озабоченный, будто его подавляло страшное горе. Но прежде чем отчалить от берега, он сказал, хитро подмигивая правым глазом:

— Ну как, нашли диагональ?

Теперь-то до них дошло! Опять этот дьявол сыграл с ними шутку. Кристафер медленно повернулся к Ульрику. Вид у него был страшный.

— Идиот! — закричал он так громко, что все услышали, даже те, кто стоял поодаль.— Это ты втянул нас в эту глупую историю. Тебе и придется расплачиваться!

Ульрик закричал в ответ. И не успели окружающие оглянуться, как в ход были пущены кулаки — самые веские доводы. Никто уже не слушал, что говорит другой. А Мусебергет незаметно улизнул домой.

Отныне в этом краю царит непримиримая вражда. Владыки местечка — Ульрик, Кристафер и Рейнерт больше не знаются друг с другом. Они уже не обсуждают, как им выгоднее скупать рыбу, не согласовывают, сколько платить этим поденщикам, из-за этого терпят немалые убытки, а это лишает их сна и покоя.

Но на островке течет спокойная и веселая жизнь. Терпеливая лошаденка с громыханьем тащит борону, а за нею идет человек, насвистывая и напевая веселую песенку. Сзади следует жена в сопровождении детей, у которых уже успели порозоветь щечки.

А где-то в фиорде плавает маленькая лодка с натянутыми парусами. Как всегда, она спешит. Быть может, какой-нибудь бедняк оказался в нужде и послал за этим Робин Гудом, этим Ходжой Насреддином.

Солнце опускалось в море. Вскоре краснозолотой закат окрасил небо. Появились звезды. Они мерцали. Старики предсказывали, что теперь наступит похолодание. Но неважно: это—хорошее предзнаменование для удачного лова.

Перевела с норвежского **В. МОРОЗОВА.**

ПАРОЛЕТ ИНЖЕНЕРА ГЕШВЕНДА

Федор Романович Гешвенд.

В середине прошлого века в России, как и в некоторых других странах, проявился широкий интерес к созданию летательных приборов тяжелее воздуха. В этом общем потоке зарождалась и мысль о ракетоплавании — летании при помощи реактивной отдачи.

Одним из пионеров ракетоплавания был киевский инженер Ф. Р. Гешвенд. Федор Романович Гешвенд родился в 1841 году. Окончив Петербургский институт гражданских инженеров, он почти всю жизнь прожил и проработал в Киеве, где построил ряд гражданских зданий. Его имя, как одного из строителей киевского Владимирского собора, занесено на мраморную доску.

Будучи в основном строителем, Ф. Р. Гешвенд увлекался энергетикой и двигателями. К идее реактивного самолета его привела попытка создать реактивный локомотив.

В декабре 1886 года Гешвенд опубликовал в Киеве брошюру «Общее основание проекта применения реактивной работы пара к железнодорожным паровозам». Изобретатель четко формулирует «преимущества реактивного паровоза»: отсутствие в машине трущихся и требующих смазки частей, уменьшение расхода воды и пара, веса рельсов и локомотива.

По-видимому, сразу же после опубликования названной работы Гешвенду пришло в голову применить найденный им принцип к летательным аппаратам. Он, безусловно, знал о первых шагах авиации в России и за границей, в частности об опытах А. Ф. Можайского, о которых упоминалось в печати незадолго до того. Но если Можайский разрабатывал идею самолета, движущегося при помощи винтовой тяги, то Гешвенд выступил с обоснованием применения в авиации реактивного принципа. В начале апреля следующего года вышла его новая брошюра — «Общее основание устройства воздухоплавательного парохода (паролет)». Гешвенд предлагал установить воздушное сообщение между Киевом и Петербургом в биплане, поднимающем до 12 пассажиров, со скоростью до 260 верст в час, с пятью — шестью десятиминутными остановками для заправки горючим — керосином. Инженер внимательно изучает полет птиц, в особенности диких гусей, и в своей работе ссылается на эти наблюдения. Он приводит данные об «индикаторной работе гуся» и проектирует свой реактивный двигатель из расчета в 350 «гусиных» сил. Гешвенд впервые предложил управлять реактивным полетом посредством поворота «последней воронки» (сопла).

Миновал месяц, и появляется третья брошюра Гешвенда — «Дополнение — об упрощении в устройстве воздухоплавательного парохода (паролет)». Тут он значительно упрощает и облегчает свою конструкцию и приходит к выводу, что для вертикального спуска, как и для подъема, достаточно одной реактивной силы. Идея, которую выдвинул инженер, осуществлена в экспериментальных конструкциях самых последних дней!

Гешвенд не ограничился проектами. Он пытался и экспериментировать. На песчаных дюнах, специально арендованных им у крестьян хутора Рыбное, под Киевом, была сооружена взлетная эстакада, состоявшая из рельсов на невысоких столбах и служившая для разбега.

Неудачные, дорого стоившие, никем не поддержанные опыты разорили экспериментатора. Семейные неприятности на этой почве и насмешки окружающих привели к печальному концу. Гешвенд заболел психическим расстройством и в 1890 году умер в киевской Кирилловской больнице для душевнобольных, которая, по горькой иронии судьбы, была сооружена по его же проекту.

Анатолий **ГЛЕБОВ**

Почетный гражданин трех городов

В. С. Мацнев-Потемкин в должности коменданта города Закопане.

В футляре под стеклом хранится диплом, прошнурованный парчовой лентой, скрепленный сургучной печатью с надписью: «Парница. Местный народный выбор».

Парница — небольшой городок в предгорьях Татр. Как сообщается в дипломе, там 1 ноября 1945 года местный народный выбор, представляющий волю всех граждан, избрал Владимира Семеновича Потемкина почетным гражданином Парницы за его заслуги в освободительных боях против гитлеровцев и помощь словацкому народу.

Этот диплом долго искал адресата. Только через четыре года во Львове его торжественно вручили Владимиру Семеновичу Мацневу, который тогда же получил еще одну радостную весть: Народный совет чехословацкого города Липтовского Микулаша тоже присвоил Потемкину почетное гражданство.

Кто же такой Потемкин и почему его дипломы получает Мацнев?

Владимир Семенович Мацнев, по профессии инженер, живет сейчас в Киеве, работает в Министерстве культуры Украинской ССР, руководит строительством театров, кинозалов, клубов. А в годы войны он был командиром легендарного партизанского отряда имени Щорса и по условному коду именовался Потемкиным. Отряд действовал в Чехословакии и Польше.

Совсем недавно пришла в Киев телеграмма из Закопане с торжественного заседания Народного совета в связи с четырнадцатилетием освобождения города.

«Нам,— пишут польские друзья,— особенно дорога память о тех, кто жил среди нас, кто наполнял наши сердца надеждой на скорую свободу. Мы свято храним память о советских партизанах из отряда имени Щорса, о его славном командире Потемкине».

Сессия Народного совета избрала киевлянина Владимира Мацнева почетным гражданином города Закопане. Он теперь почетный гражданин трех городов.

«Партизанским майором» звали Мацнева-Потемкина в этих городах, хотя он не был кадровым офицером и даже в армию не призывался из-за слабого зрения, а воевать учился на войне.

И вот мы беседуем с ним в Киеве. Владимир Семенович высок ростом, тонок в поясе, с виду очень моложав. (Кстати, когда он командовал отрядом, ему было 26 лет.) Быстрым движением он достает видавшую виды, туго набитую командирскую сумку, планшет, пачку фотографий. Развертывает карту-двухверстку.

Красным карандашом отмечен боевой путь отряда. Несколько сот партизан, прорвавшихся через фронт с Украины, контролировали шоссейные и железные дороги, по которым двигались войска оккупантов. За отрядом охотилось несколько дивизий СС.

— Вот тут, через горный перевал, нас вывел из «мешка» словацкий офицер Ковачик, знаток родных гор. А вот от него новогоднее поздравление.— Владимир Семенович показывает открытку: Эмиль Ковачик приветствует советского друга из города Дольный Кубин...

— На польскую территорию мы перешли в декабре 1944 года,— продолжает Мацнев свой рассказ,— от местных подпольщиков узнали, что фашисты заминировали весь город Закопане и хотят взорвать его при отходе. Подпольщики просили помощи. Мы ее оказали.

Вместе с Закопане в январе 1945 года партизаны освободили историческое Поронино, где жил в эмиграции Владимир Ильич Ленин. Около ленинского домика был поставлен караул.

— Мне пришлось стать первым комендантом Закопане,— вспоминает Владимир Семенович,— и проработать в этой должности ровно месяц и десять дней.

В сумке «партизанского майора» хранятся первый декрет местного Народного совета, текст присяги народной милиции, интересные письма.

Вот одно из них на русском языке: «Товарищ командир! Посылаю вам компас. Прошу заменить одну нашу винтовку на ваш автомат, как вы обещали. К автомату прошу доложить 1 000 пуль. Будьте здоровы... Командир польского партизанского отряда Бартыш».

После войны Владимир Семенович побывал в гостях у боевых друзей, а года два назад вместе с женой проводил отпуск в знакомых местах Чехословакии.

Дважды Герой Советского Союза Сидор Артемьевич Ковпак, вернувшись как-то из заграничной поездки, передал Мацневу подарок — дорогой, искусной работы топорик-валашку с золотыми украшениями. Его прислали на память чехи — партизанские друзья. Семья Мацневых бережно хранит этот подарок, как и другие реликвии славного боевого прошлого.

В. ШУМОВ

Разведчики партизанского отряда имени Щорса в городе Закопане (слева направо): Татуревич, Морозко, Божанов, Артамонов.

ОТ КРАЯ

Слово правды не заглушить

Новые документы о преследовании царской цензурой и полицией большевистских газет и журналов найдены недавно в Ленинграде в Центральном историческом архиве СССР.

С 8 (21) августа по 14 (27) октября 1915 года в Саратове выходила «Наша Газета», в которой принимали участие видные большевики М. С. Ольминский и В. П. Ногин. Возбуждая судебное преследование против редактора, инспектор по делам печати города Саратова писал прокурору судебной палаты, что статьи «Нашей Газеты» «ведут к возбуждению рабочего класса против существующего государственного строя и против других классов населения, которые в статьях именуются общим наименованием «буржуазия».

За революционную пропаганду «Наша Газета» была запрещена навсегда.

В 1905 году департамент полиции и Главное управление по делам печати обратили особое внимание на газету «Красноярский рабочий» в связи со статьей «Что могут сделать солдаты в революции», опубликованной в № 4 от 22 декабря. Следующий, пятый номер от 24 декабря был конфискован, и газету запретили.

После победы советского строя в Сибири «Красноярский рабочий» вновь начал издаваться и ныне является большой ежедневной газетой краевого комитета КПСС и Совета депутатов трудящихся.

Обнаружена переписка царских властей в связи с розысками тайной типографии латышской большевистской газеты «Циня» («Борьба»). Ныне «Циня» — центральный орган компартии республики.

И. КОВАЛЕВ,
кандидат филологических наук

Zihna.

НАША ГАЗЕТА

№ 7.

Большевистские газеты, издававшиеся в царской России: «Циня», «Наша Газета».

На балконе любителя птиц

Наступили теплые весенние дни. На Большой Филевской улице в Москве, у дома № 23, часто останавливаются прохожие, привлеченные разноголосым щебетанием птиц. На балконе квартиры, в которой живет электромонтер Василий Александрович Суворов,— настоящее птичье царство. В клетках — щеглы, снегири, клесты. Многие живут здесь по нескольку лет. Самый старый житель балкона, любимец хозяина клест по прозвищу Акробат, часто вылетает из клетки, исчезает с балкона на день — два, но всегда возвращается домой.

— Каждой птичке нужны свои лакомства,— рассказывает Василий Александрович,— щеглу — репейник, снегирям — сухая рябина, клесту подай еловую шишку, синичке — подсолнухи. Но все они одинаково любят конопляное семя.

Каждого нового жителя балкона Суворов сажает в клетку вместе со старожилом. Так новичок быстрее привыкает. Частыми гостями балкона бывают воробьи. Они прилетают стаями, чтобы полакомиться пищей, выброшенной из клеток. Нередко по ночам балкон посещают и непрошеные гости — совы. Как-то однажды сова утащила из клеток трех птичек, которые вели себя очень беспокойно, метались по клеткам и в конце концов попали в лапы хищника. Но бывалым старожилам балкона совы не страшны: они сидят спокойно в своих клетках и не поддаются на уловки хищников.

М. САВИН

Дети В. А. Суворова, Люда и Аркаша, и их подруга, соседка по квартире Валя Оводова кормят птиц.

Фото автора.

ДО КРАЯ

Боевой рейс мирного корабля

В Государственный музей Революции СССР поступил интересный документ периода Великой Отечественной войны. Этот документ — аппликация, сделанная руками трудящихся Чили.

Аппликацию передал Николай Иванович Кузов, бывший старший моторист ледокола «Микоян». В годы войны этот корабль совершил трудный и опасный переход из Черного моря на Дальний Восток под командованием капитана 2-го ранга Сергея Михайловича Сергеева. Переход длился более 9 месяцев.

— Выполняя приказ командования, 25 ноября 1941 года наш корабль вышел из Батуми, — вспоминает Н. Кузов.— Через пять месяцев, в последних числах апреля 1942 года, проливом Магеллана «Микоян» вышел из Атлантического океана в Тихий и от мыса Горн вдоль берегов Чили пошел на север. Но в это время запас пресной воды подошел к концу, необходимо было его пополнить. После долгих переговоров правительство Чили разрешило ледоколу войти в свой порт Вальпараисо. «Микоян» оказался первым советским кораблем, посетившим Чили.

Население Вальпараисо и его окрестностей заполнило всю прилегающую к порту территорию, скандировало приветственные лозунги и выражало свои симпатии кораблю и его экипажу.

Масса народа ожидала нас за территорией порта. Под приветственные возгласы наши автобусы медленно пробирались через стиснувший их живой коридор. В открытые окна автобуса было заброшено несколько аппликаций, одна из них попала мне прямо в руки.

Музей попросил командира корабля С. М. Сергеева поделиться воспоминаниями. Вот что он рассказал:

— Несмотря на все наши предосторожности, на третьи сутки после выхода из Дарданелл, у острова Родос, мы были обнаружены итальянскими фашистами. На ледокол устремилась в атаку группа торпедных катеров, поддерживаемых двумя самолетами - торпедоносцами. Фашисты выпустили по ледоколу шесть торпед. Но ни одна из них не достигла цели: каждый раз нам удавалось уклониться от смертельного удара. Израсходовав все торпеды, враг открыл огонь по судну из автоматических пушек. В этом неравном поединке ледокол получил свыше пятисот пробоин.

Первая опасность миновала. И вот стоянка в порту Хайфа. Здесь экипажу снова пришлось выдержать тяжелое испытание. На мине, сброшенной во время одного из налетов итальянской авиации, подорвался британский танкер «Феникс». Загоревшаяся нефть стала растекаться по акватории порта. Огонь перекинулся на соседние суда, в том числе и на наш корабль.

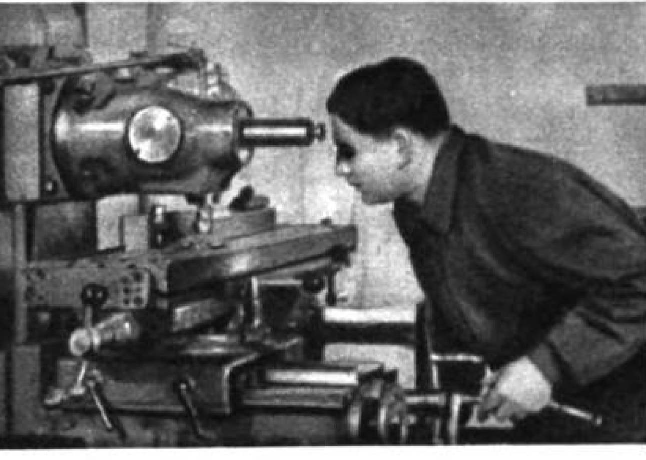
В эти критические минуты экипаж нашего корабля вновь проявил мужество и дисциплинированность. Возникшие на судне пожары были быстро потушены. Мы сумели вывести ледокол из бушующего на воде пламени.

Как только наш ледокол оказался в относительной безопасности, мы тут же организовали помощь иностранным кораблям, терпящим бедствие. Моряки советского судна спасли команды двух танкеров и солдат английской зенитной батареи.

З. ПРОКОФЬЕВА,
научный сотрудник Музея Революции СССР.

Аппликация, полученная в Вальпараисо 13 мая 1942 года.

Лайош Комароми у станка.

Кадр из кинофильма.

Фильмы о дружбе новаторов...

Утром от станка к станку, из пролета в пролет помчалась новость:

— Ивану Леонову прислали из Венгрии кинофильм...

Иван Давыдович Леонов — фрезеровщик-новатор Кировского завода. Созданные им две фрезы — концевая и дисковая — приняты на вооружение советской индустрией. Один только московский завод «Фрезер» выпускает леоновский инструмент многотысячными сериями. Перешагнув рубежи, обе фрезы нашли быстрое признание и в других странах. В адрес Леонова из-за рубежа пошли письма, чертежи, знаки отличия, фильмы.

В квартире Леонова на стене висит портрет Героя Труда Венгрии фрезеровщика Лайоша Комароми, на столе лежит фреза с керамическими пластинами, присланная Лайошем Леонову, в ящике — папка с чертежами. Бережно хранятся и киноленты, присланные ленинградскому новатору Лайошем.

Началась эта дружба так. В цехе, где работает Леонов, проходили практику венгерские студенты. Они увезли с собой две леоновские концевые фрезы и в Будапеште передали их Лайошу Комароми. Когда Комароми приехал в Ленинград и в Доме техники показывал свои приемы фрезерования, Леонов увидел, что у его нового знакомого еще более совершенная фреза.

Вскоре Леонов, захватив свои фрезы, отправился в Будапешт, на завод к Лайошу и там на его станке показал свои «чудеса». Не ограничиваясь одним заводом, Леонов заглянул в институты, на комбинаты и фабрики.

Тогда-то венгерские друзья и создали фильм о творческом содружестве двух новаторов.

А вскоре они прислали из Венгрии еще один фильм — о новых успехах Комароми. Сначала его показывали в цехе, где работает Леонов, потом — в соседнем. И вот наконец фильм перекочевал в кинозал Дома техники. Сюда пришли новаторы с других заводов...

Иван Давыдович садится за письменный стол, пишет Лайошу Комароми: «Дорогой друг! Большущее спасибо за хороший фильм! Недавно, как ты знаешь, прошел XXI съезд партии, на котором утверждена семилетка. Работы много. Я сейчас задумал создать новую фрезу. Как только сделаю ее, сообщу тебе...»

К. ЧЕРЕВКОВ

Николай Неизвестный меняет фамилию

Недавно в газете «Советская Молдавия» были помещены портрет молодого парня Николая Неизвестного и его письмо: «Никто не может оказать мне помощь в розыске моих родных. Куда бы я ни обращался, никаких данных не имеется. А хотелось бы узнать, где находится мое родное село».

Фамилию Неизвестный Николай приобрел так. 12 лет назад в Корестауцкий детский дом в Молдавии был доставлен крестьянский мальчик Коля, не знавший ни своей фамилии, ни села, где он жил раньше. В детдоме мальчику дали отчество Николаевич и фамилию Неизвестный. До 1954 года Николай Неизвестный жил и учился в различных детдомах республики, а затем мальчика взяли на воспитание в колхоз имени Димитрова, Атакского района. Здесь Коля окончил семилетку, пристрастился к машинам, решил стать трактористом. Правление артели определило своего воспитанника в училище механизации сельского хозяйства. Сейчас Николай Неизвестный оканчивает Дондюшанское училище механизации.

Николай Кошкодан со своими родителями.

Фото А. Бочарова.

«Кто же родные Николая Николаевича Неизвестного?» — так заканчивалась заметка под портретом юноши.

И вот вскоре на имя Николая Неизвестного пришли сотни писем. Десятки людей приезжали в Дондюшаны, чтобы убедиться, не их ли он сын. А на днях состоялась встреча юноши с родителями: отцом Филаретом Ильевичем и матерью Килией Николаевной Кошкодан — колхозниками села Кондратешты, Унгенского района Молдавии.

Едва завидев юношу, Килия Николаевна сразу сказала: «Он!» — и указала на маленькую родинку на левой щеке. Николай помнил, что его сестер звали Аня и Люба. Две молодые женщины с такими именами — дочери колхозников Кошкодан — стояли перед ним. В разговоре он сказал, что позади дома, где жил он с родителями, начиналась горка.

— Верно, верно!..— радостно согласились они.

И все-таки все это, выражаясь юридическим языком, косвенные доказательства родства.

Но тут Николай посмотрел на Килию Николаевну в упор долгим взглядом, словно призывал ее вспомнить что-то очень важное. И пожилая женщина вдруг тихонько запела на молдавском языке бесхитростную песенку собственного сочинения, которую часто напевала маленькому сыну и дочерям в трудную годину войны: «Пою я, пойте и вы, чтоб ваш отец вернулся...»

И Николай Неизвестный обнял мать. Ничто не запомнилось мальчику: ни название села, ни фамилия родителей, ни обстоятельства, при которых он потерял их,— а вот эта материнская песенка врезалась в память. Ее он часто напевал в детских домах.

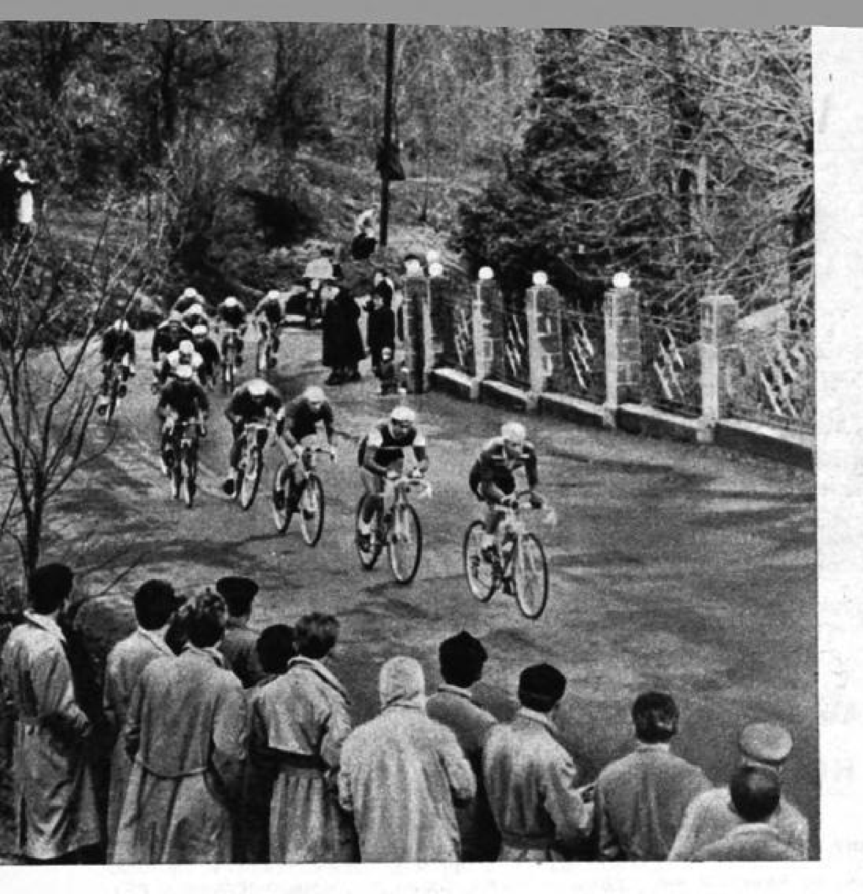
— Как же я потерялся? — спросил сын.

Оказывается, 12 лет назад старшая сестра, Анна, взяла Николая с собой, отправляясь в Черновицкую область. Там, в дороге, девушка куда-то ненадолго отлучилась, а когда вернулась, малыша на месте уже не было.

Так Николай Николаевич Неизвестный стал Николаем Филаретовичем Кошкодан.

Училище механизации направляет его на стажировку в родное село, жить он будет с родителями в новом доме, построенном недавно его отцом — лучшим плотником колхоза имени XXI съезда КПСС.

В. СУББОТИН

ВЕЛОГОНКА МИРА

Ежегодно в мае улицы городов, селений, шоссейные трассы Польши, Германской Демократической Республики, Чехословакии превращаются в гигантский велодром. Тысячи людей стоят по обочинам шоссе, на тротуарах. В окнах, на балконах все места тоже бывают заняты, а наиболее предприимчивые зрители устраиваются на крышах, на деревьях, причем здесь можно увидеть не только вездесущих мальчишек, но и почтенных людей. Не стоит удивляться всему этому: идут велосипедисты — участники традиционной гонки Мира. Что это за соревнование и кто в нем участвует?

Впервые велогонка Мира проводилась в 1948 году по маршруту Прага — Варшава. Организаторами соревнования явились газеты «Руде право» (Прага) и «Трибуна люду» (Варшава). На старт тогда вышли гонщики Польши, Чехословакии, Болгарии, Румынии и Югославии. С тех пор велогонка Мира стала традиционной, а число команд увеличивалось из года в год.

В 1952 году организаторов соревнования стало больше: прибавилась немецкая газета «Нейес Дейчланд», а трасса гонки стала проходить и через территорию ГДР.

И вот сильнейшие велосипедисты Европы в этом году в двенадцатый раз проводят соревнование, которое фактически является чемпионатом Европы. Старт в этом году — в Берлине, а финишировать участники будут 16 мая в Варшаве, пройдя по дорогам ГДР, Чехословакии и Польши нелегкий двенадцатиэтапный путь общей протяженностью более 2 тысяч километров.

Благородные идеи мира и дружбы пронизывают соревнование сильнейших велосипедистов Европы. Само название — велогонка Мира — не случайно. Прекрасный дух товарищества чувствуется во всем. Как старые друзья, встречались и встречаются на гонке датчанин Дальгаард и чех Веселый, немец Шур (ГДР) и англичанин Бредли, поляк Круляк и немец Фишеркеллер (ФРГ), венгр Тёрёк и француз Масротто, болгарин Христов и русский Капитонов. Это люди разных профессий, разных характеров, порой даже и разных политических убеждений, но это нисколько не мешает им всем вести честную спортивную борьбу. На велогонке Мира конфликтов, инцидентов не бывает. Встречаются те, кому дороги мир, дружба.

Стоило остановиться из-за неисправности машины, скажем, итальянцу Вентурелли, как ему на помощь пришла «техничка» ГДР, а массажиста советской команды В. Шустера можно видеть за «обслуживанием» велосипедистов ГДР — главных соперников нашей команды.

На рубашках лидеров изображен голубь мира. В прошлогодней гонке 120 велосипедистов из 27 стран делали попытку овладеть рубашками лидеров. Это удавалось только тем командам, в которых были и опытные спортсмены и задорная молодежь.

Такой, например, была советская команда—победительница велогонки Мира прошлого года. Работоспособность Коледова, стоическое упорство Вострякова, задор Колумбета, энергия Бебенина, мастерство Капитонова и огромный опыт Клевцова принесли успех.

Советская команда, участвуя в велогонке Мира с 1954 года, уже одерживала победы. Теперь пора подумать и о первом месте в личном зачете.

Мы уже рассказали об интересе зрителей. Добавим еще немного. Дирекции стадионов в Берлине, Варшаве, Лейпциге с вместимостью 80—100—110 тысяч зрителей уже заранее заготовили таблички «На сегодня все билеты проданы», так как желающих посмотреть на стадионе финиш этапа бывает всегда во много раз больше, чем могут вместить стадионы. Наблюдается та же картина, что и в Москве перед важным футбольным матчем. Не попавшие на стадион довольствуются репортажем, который ведется с трассы гонки почти непрерывно. Экстренные выпуски газет после финиша гонки расходятся моментально.

В этом году в соревновании, проводимом под лозунгом «За мирный договор с Германией, против милитаризма и войны!», участвуют гонщики 15 стран: СССР, ГДР, Чехословакии, Польши, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Дании, Финляндии, Румынии, Великобритании, Голландии, Италии, Югославии, Франции.

Честь советского спорта отстаивают Е. Клевцов, Ю. Мелехов, В. Капитонов, Н. Колумбет, Б. Бебенин, Г. Сайдхужин, А. Черепович и П. Востряков.

В. ПАХОМОВ

На снимке: советские велосипедисты тренируются перед велогонкой Мира.

Фото И. Григорова (ТАСС).

Хорошо ли вас обслуживают?

Карандашом карикатуриста

Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫ

Если б сорок лет назад сведущего человека спросили, чем знаменит город Пенза, он бы, не задумываясь, ответил: лаптями. Эту примитивную обувку поставляли из Пензы во все концы старой Руси.

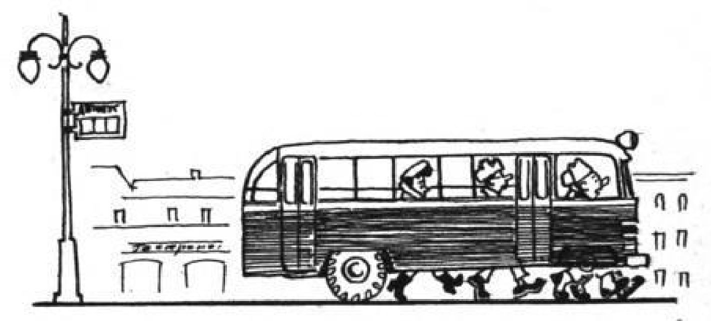
Чем известен ныне в нашей стране город Пенза? Для ответа на этот вопрос уже мало одного слова. Человек, знакомый с Пензой, подумает и начнет загибать пальцы: здесь делают отличные часы, сложнейшие химические аппараты, счетные машины. Впрочем, трудно перечислить все великолепные изделия, которыми известна сегодняшняя Пенза. Заштатный, провинциальный в прошлом город стал крупным индустриальным центром, где трудятся замечательные люди.

Мы отправились в Пензу, чтобы посмотреть, как обслуживают трудящихся этого хорошего города.

И вот первое знакомство — привокзальная площадь...

Нам нужно доехать до гостиницы. На такси это сделать очень трудно, особенно если за рулем таксомотора шофер Шариков: на короткие расстояния он не возит.

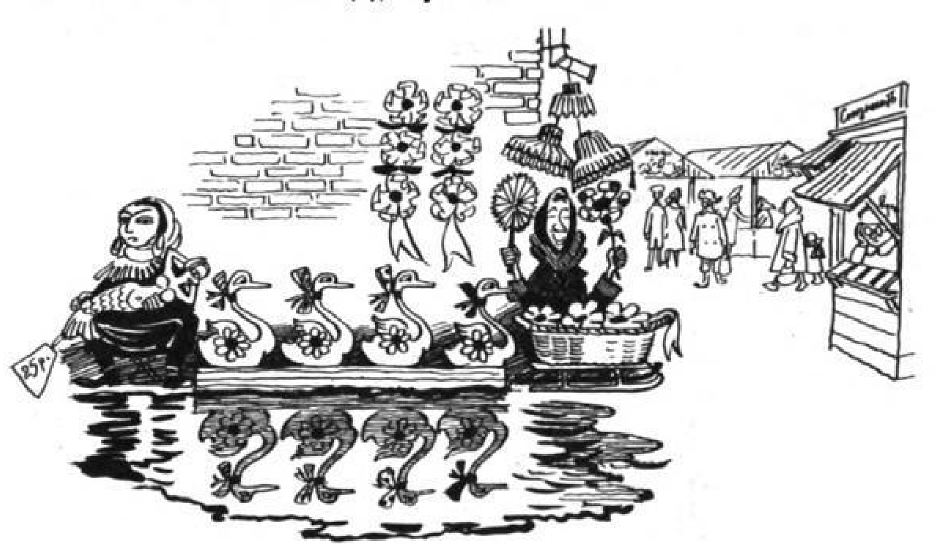
Что ж, нельзя в такси, отправимся на автобусную остановку. И здесь нам не повезло. Автобусов в городе много, но ходят они редко, ибо большинство их из-за всевозможных неисправностей простаивает в гаражах.

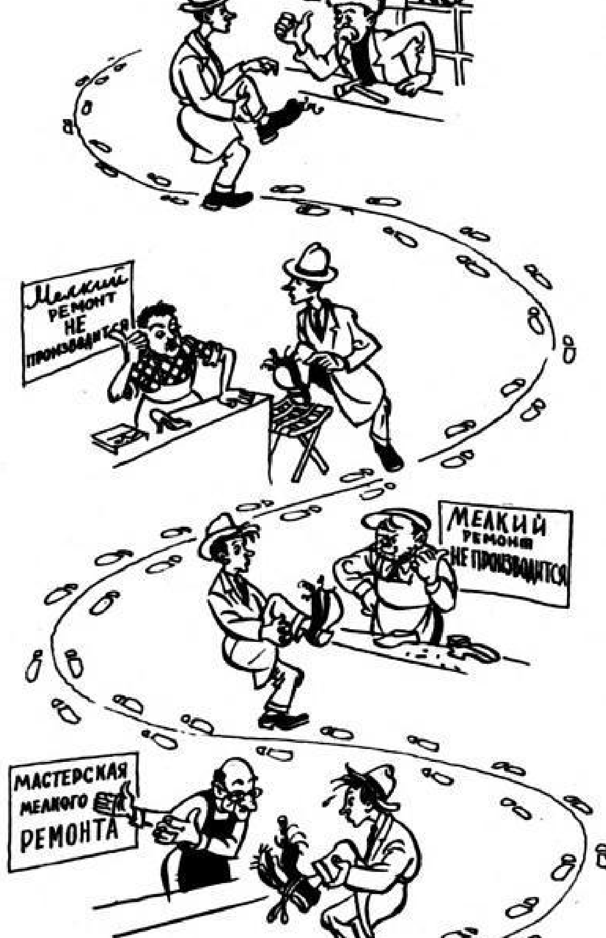
Вот и гостиница. Она единственная в городе, и тут так тесно, что даже классикам пришлось потесниться!

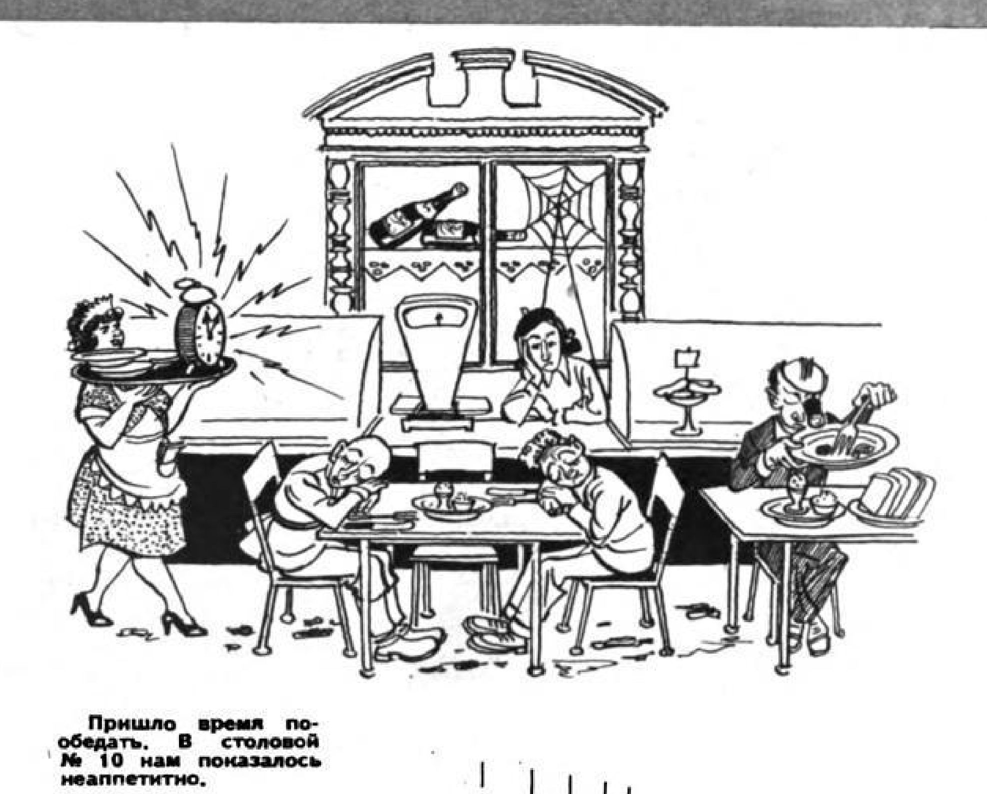
Муки выбора. Просто немыслимо покинуть магазин «Ткани» № 1 Горпромторга, не приобретя чего-нибудь. Здесь все товары на виду, а обходительные и внимательные продавцы всегда посоветуют вам наряд к лицу. Как говорится, и не хочешь, да купишь!

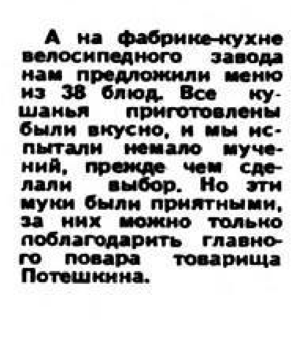
«Лебединое болото». На городском рынке, как это ни печально, процветает торговля иного рода. Здесь богатый выбор «художеств», которым не место в нашем быту.

Прогулка по городу затянулась... Так как пензенские тротуары оставляли желать много лучшего, наша обувь не выдержала и потребовала мелкого ремонта. Но пока мы обошли мастерские, башмаки уже нуждались в капитальном ремонте.

Пришло время пообедать. В столовой № 10 нам показалось неаппетитно.

А на фабрике-кухне велосипедного завода нам предложили меню из 38 блюд. Все кушанья приготовлены были вкусно, и мы испытали немало мучений, прежде чем сделали выбор. Но эти муки были приятными, за них можно только поблагодарить главного повара товарища Потешкина.

А перед отъездом из города мы зашли в детскую комнату уже знакомого нам Пензенского вокзала.

— Не хочу отсюда уезжать! — говорит маме маленький пассажир.

Ему здесь хорошо, о нем заботятся, его любят.

Мы верим, что в самом ближайшем будущем каждый, кто побывает в Пензе, скажет:

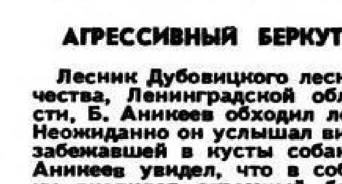
— Не хочу отсюда уезжать!

К открытию выставки народных художников СССР М. В. Куприянова, П. Н. Крылова и Н. А. Соколова (Кукрыниксы).

Сто лет совместной работы.

Автошарж КУКРЫНИКСЫ

АГРЕССИВНЫЙ БЕРКУТ

Лесник Дубовицкого лесничества, Ленинградской области, Б. Аникеев обходил лес. Неожиданно он услышал визг забежавшей в кусты собаки. Аникеев увидел, что в собаку вцепился огромный беркут и клювом наносит ей удары. Стрелять лесник не решился, опасаясь ранить собаку. Беркут бросил животное и кинулся на человека. Лесник не растерялся и убил беркута прикладом.

А. КАЦЕНЕЛЬСОН

Фото Б. Баскакова.

РЕДКАЯ БЕЛКА

В тайге Тоджинского района, Тувинской автономной области, охотник Анна Иннокентьевна Скобеева подстрелила редкую белку. Обычно в зимней окраске енисейской белки преобладают темно-серые и темно-бурые тона. Так называемая белка-альбинос совершенно белая. Чучело ее экспонируется в отделе природы Тувинского областного краеведческого музея.

А. СОСКИНОВА

Фото В. Луткова.

Кызыл.

Шахматы в ладье

Оригинальные шахматы изготовили работники одной из артелей Петрозаводска Глеб Сыпин и Ульрих Иванов. Шахматы вместе с доской помещаются в донышке ладьи-туры. Тура собрана из разных кусочков дерева. «Кирпичи» крепости составлены из обычной березы, просветы между ними — из орехового дерева. Верхняя и нижняя части этого своеобразного футляра — из карельской березы.

Чтобы выточить шахматные фигуры, художники сконструировали и собрали миниатюрный моторчик с резцами диаметром в один миллиметр. Мастера проверяли ход и направление резцов через увеличительное стекло. Фигуры они выточили из слоновой кости. О мастерстве художников можно судить хотя бы по тому, что на фигуре короля отчетливо видна невооруженным глазом корона.

А. ТУКАЧЕВ

Петрозаводск.

Фото В. Бараева.

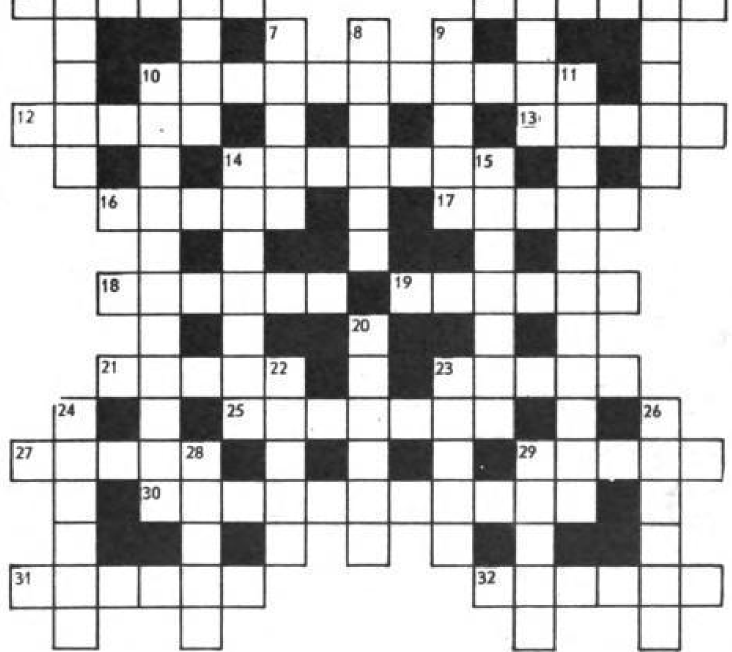
КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Персонаж в поэме А. С. Пушкина «Полтава». 6. Древнегреческий философ. 10. Оркестровый музыкальный инструмент. 12. Станок артиллерийского орудия. 13. Название областной газеты. 14. Русский писатель XIX века. 16. Способ ведения боевых действий. 17. Автор оперы «Трубадур». 18. Предводительница партизанского отряда в 1812 году. 19. Старинный город в Китае. 21. Африканское животное. 23. Ископаемая смола. 25. Победитель конкурса. 27. Литовская поэтесса. 29. Сельскохозяйственная работа. 30. Прибор для черчения. 31. Государство в Америке. 32. Повесть из «Человеческой комедии» О. Бальзака.

По вертикали:

1. Венгерский народный танец. 2. Кратковременное увеличение темпа в беге. 3. Приток Лены. 4. Спутник планеты Марс. 7. Поселок близ самой южной точки СССР. 8. Форма налога в старину. 9. Рассказ И. С. Тургенева. 10. Техническая ткань. 11. Прибор для накопления электрической энергии. 14. Воинское звание. 15. Морская шлюпка. 20. Часть света. 22. Животный мир. 23. Остров, на котором проживал М. Горький. 24. Напиток богов в античной мифологии. 26. Горячий источник. 28. Литературный московский кружок конца XIX — начала XX века. 29. Летчик.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

4. «Недоросль». 7. Бисер. 8. Узген. 9. Аккомпанемент. 14. Чаплин. 15. Греки. 17. Компот. 18. Спор. 20. Роса. 22. Ретина. 23. Терем. 24. Неклен. 25. Марс. 27. Люкс. 29. Полоса. 30. Кроль. 31. Игарка. 34. Четырехглазка. 35. Химия. 36. Крупа. 37. Сказитель.

По вертикали:

1. Перелог. 2. Трускавец. 3. Клязьма. 5. Диккенс. 6. Дейнека. 10. «Жаворонок». 11. Хлестаков. 12. Иммельман. 13. Погонялка. 15. Гротеск. 16. Иремель. 19. Пиала. 21. Синяк. 25. Материк. 26. Колхозник. 28. Синкопа. 32. Былинка. 33. Забрало.

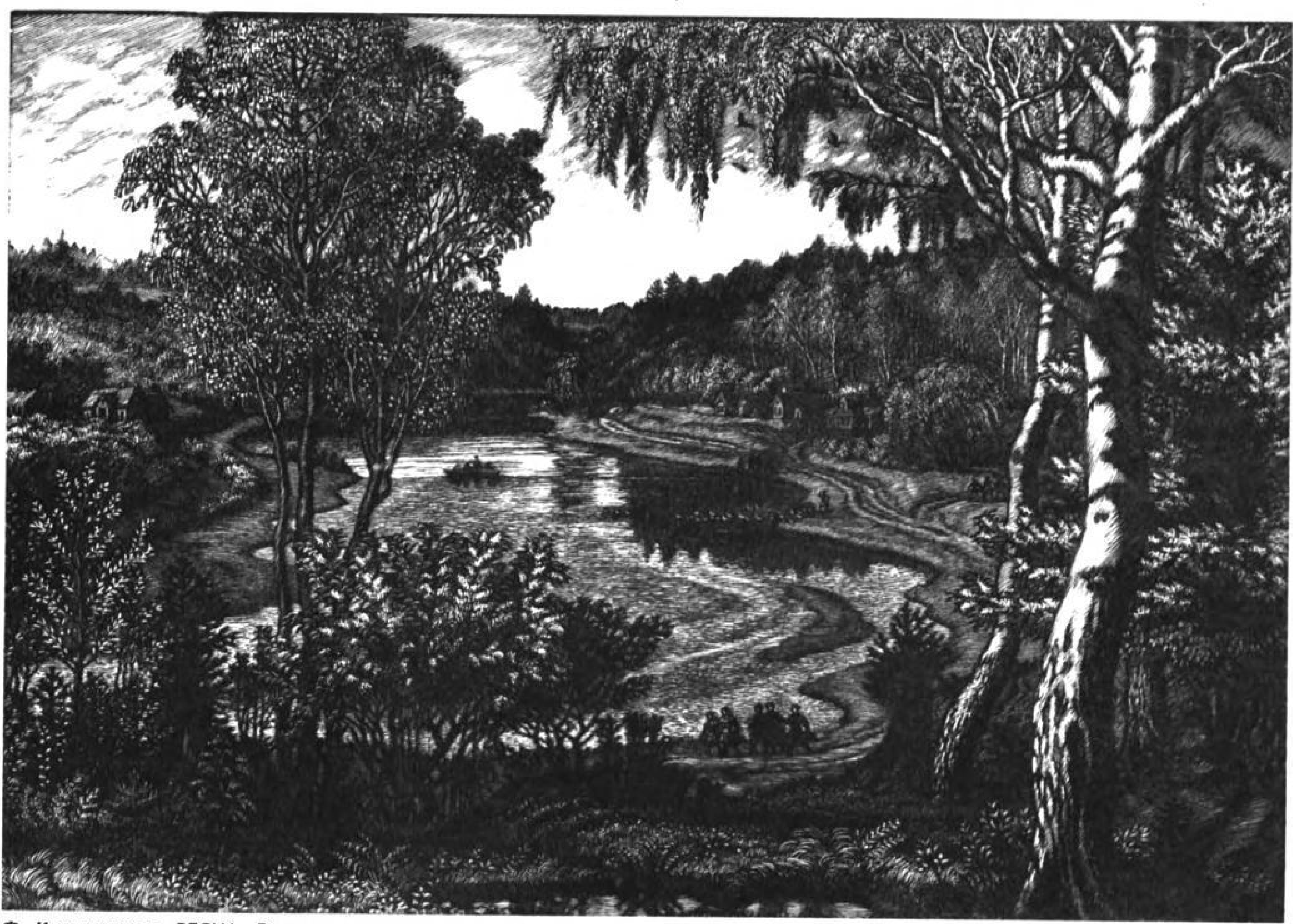
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 03319. Подписано к печати 27/IV 1959 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 607. Заказ № 850.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина, Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Ф. Константинов. ВЕСНА. Гравюра на дереве.

ВЫЕЗД БРИГАД В ПОЛЕ. Гравюра на дереве.

Цена номера 3 руб.